

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

ПРОСТИ
МЕНЯ,
ЛЮБОВЬ

ВЕСЕННЯЯ
ВЕСТНИЦА

Девочки мои. Психологические романы Ю. Лавряшиной

Юлия Лавряшина
Весенняя вестница

«ЭКСМО»

2000

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лавряшина Ю. А.

Весенняя вестница / Ю. А. Лавряшина — «Эксмо»,
2000 — (Девочки мои. Психологические романы Ю. Лавряшиной)

ISBN 978-5-04-240622-5

Юлия Лавряшина — автор более 50 книг прозы для взрослых и детей, ряда пьес, киносценариев. Член Союза писателей России, лауреат Международной детской литературной премии им. В. П. Крапивина. Вместе с сыном, молодым композитором Евгением Лавряшиным, пишет песни и мюзиклы. Отличительными чертами ее прозы являются напряженный сюжет и психологическая глубина. Художница Аля обладает редким даром оживлять свои картины и создает в них тайный мир, где живет ее единственная любовь — вымышленный доктор Линней. Когда лучшей подруге Али, яркой и жизнерадостной Геле, ставят смертельный диагноз, Аля идет на мучительное решение: открыть подруге дверь в свою сокровенную фантазию, чтобы подарить ей счастье. Этот выбор запускает цепь драматических событий, меняет судьбы и оставляет Алю лицом к лицу с утратой и памятью о принесенной жертве.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-240622-5

© Лавряшина Ю. А., 2000
© Эксмо, 2000

Юлия Александровна Лавряшина

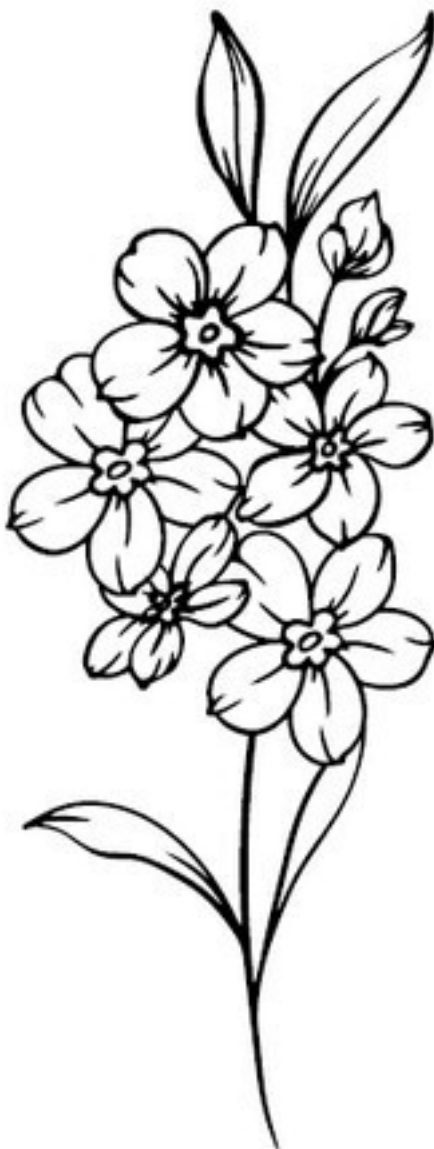
Весенняя вестница

* * *

© Лавряшина Ю., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

* * *

* * *

Через окно на меня смотрят глаза тополя. Три темных глаза расположены не как у человека, а один над другим. В этой вертикальности взгляда есть что-то неземное. Не инопланетное, не фантастическое, а просто не принадлежащее тому уровню земной жизни, на котором находились мы с тобой. А теперь только я...

Может, оттуда, где ты теперь, устремленный ввысь взгляд тополя не кажется странным. Я пытаюсь увидеть это твоими глазами и тоже нахожу в таком расположении единственно возможную правильность – все земное должно тянуться к небу. Только эта высокая тяга и может оправдать то, что Земля по-прежнему каждому из нас кажется плоской, ведь голубой шар, зависший в космосе, был увиден не нами лично... Два глаза позволяют определять объемность предметов, но мир в целом мы видим будто бы одним глазом. У тополя их три.

Я смотрю из окна в ту сторону, куда уходит солнце. За тот край света, где теперь ты. И вижу тебя там, хотя ты вполне можешь оказаться в другом месте. Или нигде. Или везде. Этого я не узнаю до тех пор, пока не соберусь с духом пойти за тобой следом. Но сейчас, пока это не произошло, мне нравится думать, будто тебя увело с собой солнце. Когда протягивают такую горячую руку, кто найдет в себе силы отказаться?

Мне хочется спеть о тебе, но у меня никогда не было слуха. Выразить бы свою боль пластикой, только никто не учил меня танцевать. Я умею переносить на холст свои фантазии, а лица не даются мне. И потому я рисую дорогу, по которой ты уходишь и уходишь... Не от меня. К солнцу. Об этом думать легче...

У меня никогда не возникало желания что-либо сочинить, и сейчас я тоже хочу рассказать все без прикрас – какими были мы, и что с нами произошло. Хотя помню: это сулят все рассказчики, какую невероятную небывлицу они ни собирались бы поведать миру. Сила этих историй в том, что они сами верят в их подлинность. И, в зависимости от степени таланта, верят более или менее.

Может, как раз мне и не поверят, но это не пугает. Мне просто нужно высказаться. Наверное, хотя бы раз в жизни эта потребность одолевает каждого, и тут уж ничего не поделаешь. Можно даже не искать слушателя, а, как писали в старых романах, «довериться бумаге». Как раз это я и собираюсь сделать.

Только не стану доказывать достоверность истории обилием физиологических подробностей, выдумать которые ничуть не сложнее, чем создать Маленького принца. Их не будет вообще, ведь любая оскорбила бы тебя. Эти отвратительные детали отличаются способностью застревать в памяти людей и не забываться со временем, а становиться только выпуклее. Они назойливо лезут внутрь запахами, болезненными цветами, которые то становятся обостренно-яркими, то смешиваются бурой, дряблой массой. Ничего этого не будет. Не потому, что не было на самом деле... Но все эти мерзости не имели к тебе никакого отношения. Только к твоей болезни.

Ты – это совсем другое. Ты – рассвет ясного дня, от одного взгляда на чистую, не поддающуюся времени красоту которого становится весело и хочется жить. Не просто есть, спать и чистить зубы, а бежать навстречу удивительному чуду возрождения дня, глотая морозный или жаркий ветер, и обгонять всех, любых, самых юных, самых быстрых. И, главное, действительно верить, что тебе под силу это сделать...

Теперь я могу только вспоминать о том, как хотелось этого, ведь без тебя не хочется вообще ничего. Но мне тяжело говорить «я» и «ты». Я постараюсь рассказывать о нас, как о посторонних, в третьем лице, которое само по себе – отстранение, отчуждение. Так моя рука не иссохнет от тяжести, ее имеет только собственная боль. Чужая, как ни любили бы мы человека, всегда легче.

Я прикинусь не собой, чтобы просто договорить.

* * *

– Но я же все вижу: он подглядывает и дергает нитку!

Узкие тени на стенах встрепенулись и задвигались, пытаясь совпасть с телами, без которых не существовали. Но такое случается, если только свет падает вертикальным столбом, напрямую соединяя небо с землей, а человека с его тенью. Сейчас же свеча стояла сбоку, на тумбочке, чтобы не занимать место на столе, где был разложен большой круг с воткнутой в центре иглой, которую вызванный ими дух должен был оживить.

Когда брат расправил свое бумажное творение, Алька случайно взглянула поверх его плеча и увидела вокруг луны такую же круглую, огромную тень. И от этого ей стало немного не по себе... Ничего не сказав ни Мите, ни Геле, она подобралась к окну поближе и подумала, что еще ни разу не замечала столь зловещей красоты. Луна была не совсем полной, похудевшей с одного боку, и эта ущербность словно подтверждала нерадостную догадку: мрак начал пожирать свет. Это уже происходит. Как раз в канун Крещения...

– Дергаешь, конечно, – не унималась Геля. – Иначе с чего бы дух Шекспира стал разговаривать с нами по-русски? Сам-то подумай!

Выпустив хвостик нитки, Митя открыл глаза и сердито сказал:

– Вы мне уже надоели. Мало того, что я участвую в вашем дурацком гадании, так они еще и не доверяют мне! Ну и делайте все сами, раз так.

У него была манера говорить как бы самому себе, даже не оборачиваясь к собеседнику и пристально глядя в выбранную точку. В детстве над ним издевались за это, но Митя своей привычки не изменил, ведь Геля в травле не участвовала. А остальных он умел не замечать.

– Перестаньте ссориться, – попыталась уговорить их Алька. – Вам по тридцать лет, а вы скандалите, как маленькие, из-за какой-то нитки.

Ей показалось, что глаза подруги насмешливо блеснули, быстро вобрав и выпустив огонек свечи.

«Какая же я дура! – про себя ужаснулась Аля. – Разве можно при нем говорить о маленьких?!»

Ее брат-близнец был роста, скорее, среднего, но рядом со Ангелиной, которая и выше-то была совсем ненамного, он съеживался. И Алька чувствовала: брат постоянно помнит, до чего у него знатный нос, а весь он слишком худ и неразвит, как мальчишка. В его близко посаженных глазах, даже когда Митя улыбался, темнела тоска, хотя занудой он никогда не был, и время от времени веселился вовсю. Но и в те минуты, когда брат бывал от души беззаботен или от души пьян, у него сохранялся взгляд человека, которому никак не удастся забыть: единственно желанное им счастье под запретом.

Она украдкой глянула на Гелю, которая все еще пыталась вынудить Митю признаться, что он подсматривал. Сейчас ее глаза казались совсем черными, ведь в комнате было мало света, а ресницы, как и волосы, были очень темными и густыми – Геля ни разу в жизни их не подкрашивала. На свету же ее глаза оказывались светло-карими, почти янтарными, но Алька подозревала: они не с рождения были такими, а посветлели, когда душа их подруги расцвела, окрепла и стала излучать свет. Многим Геля казалась чересчур красивой, чтоб у нее могло окаяться доброе сердце... Аля с братом знали ее почти всю жизнь и успели убедиться в обратном.

Хоть сейчас она и цеплялась к Мите, это было не более чем безобидной игрой. Геле просто нравилось иногда поддразнивать его, ведь она догадывалась, как он рад и этому. Она замечает его – уже хорошо!

– Давайте лучше вызовем кого-нибудь другого, – предложила Алька, уловив, что брат начинает нервничать. – А то с этим Шекспиром вечная неразбериха... То ли он был вообще, то ли нет. Может, не одного духа надо вызывать, а двоих? И тогда они разговоятся...

Геля сначала взглянула на нее с веселой рассеянностью, как будто не совсем понимала, о чем идет речь, а потом вдруг посерьезнела.

– Не верю я в эту бредовую легенду о супругах, писавших под именем Шекспира, – сказала она, продолжая обращаться к Мите, но уже с другим выражением. – Разве можно писать о любви с кем-то на пару? Вдвоем «Анжелику» можно состряпать, но не «Гамлета».

– Может, они были настолько близки духовно, что чувствовали, как один, – угрюмо заметил Митя, обводя пальцем нарисованную букву «Г».

– Ну всякое бывает!

Алька легонько пнула подругу под столом. Было ясно: брат пытается в очередной раз подвести Гелю к мысли, будто даже между ними возможен брак. Как она ни старалась, Митя до сих пор не мог поверить, что этому не бывать никогда.

«Почему? – вопрошали его тоскующие глаза. – Ведь мы же старые друзья... Мы нужны друг другу...»

Алька посмотрела на хмурое лицо брата, пытаясь отвлечь его на себя. Когда-то в юности Митя объявил, что разгадал тайну ее взгляда. «Какую тайну?» – Алька тогда страшно удивилась. Коротко посмеиваясь, он объяснил: серый кружок ее правого глаза чуть смещен к центру. Почти незаметно, но эта едва уловимая косина придает взгляду сестры выражение удивленной и трогательной доверчивости.

«Поэтому, когда я собираюсь тебе всыпать, смотри мне прямо в глаза, тогда у меня рука не поднимется», – великодушно подсказал Митя.

Ему всегда необъяснимо нравилось то, что они – разнояйцовые близнецы, и в детстве он часто повторял это к месту и не к месту. Посторонним даже трудно было признать в них брата с сестрой, ведь длинная носатая Митина физиономия не имела ничего общего со скуластой курносой Алькиной мордочкой, в которой не находилось ничего особенного, кроме цепляющего за сердце взгляда.

Он-то и поймал семилетнюю Гелю, когда брат с сестрой только переехали в новый двор после развода родителей. Красивая девочка с густым черным хвостом шла по двору, открыто задрав нос, но, мельком взглянув на сидевшую в песочнице Альку, замерла, точно запнувшись. С минуту она беззастенчиво рассматривала новенькую, а потом с неожиданным состраданием спросила: «Девочка, кто тебя обидел?»

Алька, которая чувствовала себя превосходно, сразу сдружившись с дюжиной девчонок, честно ответила: «Никто». Но Геля не поверила. Митя подозревал, что она до сих пор пытается выяснить: от кого же следует защищать его сестру?

Через несколько дней они встретились в художественной школе и с тех пор уже не отпустили друг друга, хотя и записались на разные отделения. Ангелина решила заниматься лепкой, Альке же хотелось рисовать. Этим она и занималась до сих пор, так больше ничему по-настоящему и не научившись. А Геля возвращалась к лепке только в периоды депрессии или просто устав от сумасшедшей работы на радио, где была и диджеем, и коммерческим директором. Теперь свое детское пристрастие она называла «материальной медитацией» и утверждала, что ее завораживают собственные движения.

А вот насчет собственных художественных способностей Геля никогда не заблуждалась, даже в пору тщеславной юности, и открыто признавала, что талант – это у Альки, а она так... отдыхает душой. Тем не менее сняла целый этаж, в одной квартире поставила печь для обжига и притащила туда все необходимые материалы, а в другой устроила мастерскую для Альки, которая сюда и переселилась.

Сама Геля здесь ночевать не оставалась: если она не возвращалась домой, отец начинал распекать мать, и это могло растянуться до утра. Дочь жалела ее...

– Так что будем делать? – вмешалась Алька, надеясь прервать неловкий разговор. – Может, попробуем Есенина? Помните, в детстве мы его вызывали?

– И что он тебе наобещал? – спросил Митя, как ей показалось, с облегчением.

Безотчетным жестом заправив за ухо волосы, как делала, когда терялась, Аля смущенно призналась:

– Да я и не помню...

– И я тоже! Потрясающе! – опять расхохоталась Геля, но следом вдруг сморщилась, прислушавшись к чему-то.

Алька, которая все замечала, сразу встревожилась:

– Ты что?

– Да ерунда! Желудок, что ли... Верите, я до сих пор не знаю, где у нас что находится!

– Аппендикс справа, – заявил Митя тоном старого патологоанатома. – Такой, знаете ли, мерзкий отросточек...

– Только его мне сейчас не хватало, – Геля опять на секунду затихла. – Вроде отпустило. Господи, времени-то сколько! Через шесть часов у меня эфир, поеду-ка я домой.

Алька сделала умоляющие глаза:

– Может, останешься? Позвони своим. От нас тебе ближе добираться.

Геля обвела взглядом голые стены мастерской, которая второй год служила домом брату с сестрой. В той единственной комнате в другом районе, где жили их мать с дедом, работать Альке было негде. Потом как-то само собой вышло, что Митя тоже перебрался сюда и остался, хотя дед уже умер. Алька соседству брата, казалось, только обрадовалась, а Геля не стала возражать, хоть иногда Митя и доводил ее до иступления. Но она знала его слишком давно и отчетливо различала на дне его круглых глаз причину тоски, которой они были полны.

– Может, и останусь, – произнесла она с раздумьем, будто это бог весть какой сложности был вопрос и решать его на ходу казалось преступным.

Знакомо усмехаясь, отчего его прямой рот лишь чуть-чуть растягивался, Митя спросил:

– А ты знаешь, что мы просыпаемся под звуки твоего голоса? Алька включает радио прежде, чем добежать до горшка.

– Знаю, – Геля улыбнулась и подмигнула подруге. – Но у меня ведь не каждый день утренний эфир.

– Вот-вот! Скажи это своему начальству. Других моя сестра и слушать не хочет.

– У них языки деревянные, – пробормотала Аля, хотя вроде и не было нужды оправдываться.

Засмеявшись, Геля незаметно прижала руку к животу, но отозвалась так же весело:

– А у меня без костей! Это точно. Но только когда включается микрофон. Так странно...

Знаете, во мне самой будто что-то переключается и – понесло!

– Это приятно? – с любопытством спросила Аля.

– Так же, как тебе рисовать, – ничуть не сомневаясь в уместности такого сравнения, ответила Геля.

У Мити снова смешливо задергался рот:

– Особенно приятно, что тебя слушает целый город!

– Нет, – отозвалась она не сердито, но сухо. – Не это самое приятное. Я себя открываю, вот что! Без микрофона я как все. А стоит выйти в эфир, у меня сразу и мысли откуда-то появляются, каких не было сроду. И речь сразу гладкой становится.

– «...точно реченька журчит», – вставил Митя.

Геля улыбнулась ему с сожалением:

– Тебе не верится?

– Верится. Вот я всегда одинаковый. Ничто во мне не переключается.

– Сочувствую.

– Чему? Разве это не говорит о моей цельности? – он усмехнулся, понимая, что ни о чем подобном это не говорит.

Алька поспешила ответить за нее:

– Конечно. Я тоже всегда одинаковая.

– Ты?! Потрясающе! – Геля покачала головой с выражением неподдельного изумления, словно человек с тремя ногами пытался уверить, будто он такой же, как все.

Уловив это, Митя подумал: в самом деле, не его сестре говорить это о себе. Ее бесхитростные, неяркие глаза видели мир не таким, каким мог разглядеть его сам Митя. И так было всегда. Алька переносила на холсты кусочки мира, и мастерская постепенно прорастала другой реальностью. Неизменно вызывавшей удивление и беззлобную зависть... Всматриваясь в работы сестры, Митя думал: наверное, ему жилось бы намного легче, если б он так же мог существовать в двух реальностях. И делить свою тоску надвое.

* * *

– Алька, покажи чудо, – вдруг попросила Геля совсем по-детски и легко скользнула на диван, где сидеть было удобнее, хоть он и стал совсем старым, отчаянно трещавшим.

Обхватив колени, она уселась так, что длинные волосы почти укрыли ее всю. Это напомнило Мите какую-то картину, только он не настолько хорошо разбирался в живописи, чтобы вспомнить название. Если и просматривал альбомы, то лишь за компанию с Алькой, которая относилась к этому, как к священнодействию.

– Покажу, – пообещала та, не смутившись, ведь для художника творить чудеса – обычное дело.

Правда, сейчас речь шла не о рисовании, и все трое это отлично понимали.

– Только сначала позвони домой, а то дядя Толя оторвет нам потом головы.

Не споря, Геля протяжно вздохнула:

– Митя, дай сумку.

Он подал ей, но не сразу выпустил кожаный ремень, чтобы Геля потянула. Это могло создать хотя бы иллюзию соприкосновения, какого он ждал. Ведь если Геля и касалась его, то всегда слишком по-родственному. До обидного...

Но и сейчас тоже ничего не вышло. Она рассеянно рванула сумку, даже не заметив его уловки, и, покопавшись, извлекла телефон.

– От сотовых возникает опухоль мозга, – зловещим голосом произнес Митя, пытаясь, хоть напугав, привлечь ее внимание.

– Типун тебе на язык! – сердито бросила Алька и на этот раз с силой пнула под столом брата.

Сделав вид, будто ничего и не почувствовал, он безразлично спросил:

– Убирать ваш магический круг? Зря только возился с ним. Кучу времени потратил...

– Да ты за пять минут его сляпал!

– Ну! Может, я настраивался целый час.

Набрав номер, Геля сказала, дожидаясь, пока стихнут гудки:

– Ты раскачиваешься, как Царь-колокол.

– На что раскачиваюсь? – замер он.

– На все. Помнится, лет десять назад кто-то заявил, что скоро примет участие в ралли...

Так ведь и застрянешь в таксистах.

– Геля, не надо! – резко подавшись вперед, крикнула Аля. – Я слышать не хочу об этих гонках!

– Трусишка... А, мам, привет! – ее взгляд перескочил на что-то, и Геля заговорила другим голосом.

У нее их было несколько, и потому даже люди, каждый день слушавшие их станцию, в жизни не узнавали ее. Гелю это устраивало, а на Митины язвительные выпады насчет скромных героев, бесстрашно бросающихся в радиоволны и не ищущих славы, всегда находилась едкий ответ.

– Это она не тебе сказала, а мне, – мрачно заметил Митя, понизив голос.

– Да нет...

– Перестань! – он поморщился, растянув тонкие губы. – Дурака-то из меня не делай... Конечно, я трус. Может, если б сломал себе шею на какой-нибудь трассе, она вспоминала бы меня со слезами умиления. Но я предпочитаю оставаться живым, и это ее раздражает.

Несогласно качнув головой, Алька с состраданием подумала: конечно, Митя прав. Но как же страшно, что он сам все понимает. Лучше б он был чуточку глупее... В любви быть понятливым больно. Особенно когда осознаешь: тебя не любят не потому, что ты опоздал, и желанную тобой душу успел заполнить кто-то другой, а просто ты, сам по себе, не представляешь интереса. Как любой другой. Как миллиарды других.

– Вам привет от моих! – сказала Геля слишком громко, будто пытаясь к ним пробиться.

Митя покосился на нее с недоверием: «Не думает же она, что мы могли забыть про нее!» Он подавил желание подсесть поближе к сестре и прижаться к ней, такой маленькой и сильной, упрямо прорисовывающей в обычном мире свой собственный. Но у них почему-то повелось скрывать от Гели живущую в обоих нежность друг к другу, точно это могло оскорбить ее. Ведь негласно уже давно было признано, что они оба принадлежат ей...

Заметив Митино замешательство, но не поняв его причины, она капризно протянула:

– Ну и где мое чудо?

– Будет тебе чудо, – улыбнулась Алька, и на ее мордашке возникло то выражение ласкового обожания, которое появлялось всякий раз, когда они навещали отца и встречались с маленьким сводным братом.

В такие минуты Митя начинал жалеть, что поселился в мастерской у сестры и тем самым мешал ей стать нормальной женщиной, родить ребенка... Ей ведь хотелось этого, он понимал. Но Алька ни разу за эти годы не приводила ни одного мужчину, и Митя подозревал: их и не было... Хотя говорить об этом она отказывалась наотрез.

Между тем Алька спросила у Гели, будто брата здесь и не было:

– Чего тебе хочется?

– Лета и солнца, – задумавшись лишь на секунду, отозвалась та. – Что-то засиделась я в студии, да и на улице морозняка... А в отпуск ты же со мной не поедешь?

Алька виновато улыбнулась:

– Не поеду.

«Я поехал бы, – про себя вызвался Митя. – Только кто меня позовет?»

– А без тебя скучно, – безжалостно закончила Геля. – Что тебя здесь держит, не могу понять? Митька уже большой мальчик, а рисовать можно где угодно. Думаешь, я помешала бы тебе?

– Нет, конечно, – встрепелась Алька. – Не в этом дело...

– Ну а в чем? В чем?!

– Я, – Аля запнулась и посмотрела на нее умоляюще. – Я не могу сказать...

– О господи... Ты, Алька, не человек, а одна сплошная тайна. И это здорово! Все остальные как на ладошке.

«Это она обо мне, – даже не уточняя, сказал себе Митя. – Царь-колокол, только и сумевший свалиться на площадь и застыть у всех на виду чугунной болванкой...»

Устроившись поудобнее, Геля поджала ноги. Когда она поводила головой, расправляя черную пелену волос, Мите казалось, будто сама Ночь распахивает свои крылья. В них трепетала сила сладострастия, и обманчивым успокоением темнело черное забытье. Митя сам вызвался бы отказаться от солнечного света и никогда не видеть звезд, только бы эта дивная ночь всегда была с ним. Не смея приблизиться, тем более дотронуться, он погружался в нее глазами, желая раствориться и потерять себя... Что в этом страшного, если ты ничего из себя не представляешь? Совсем ничего...

Это не было открытием. С раннего детства Митя был вынужден смириться: когда рождаются близнецы, даже однояйцовые, кому-то из них все равно достается, хоть на толику, но больше природных сил. Алька была способна творить чудеса и писать картины. Митя не умел не только ни того ни другого, но и вообще ничего. Однако он никогда не испытывал по отношению к сестре ни зависти, ни злорадства по поводу того, что она не была красавицей и знала это. Митя никогда не замечал за Алькой каких-либо страданий по этому поводу, а сам страдал за нее. Он любил свою сестру.

– Ладно, лето так лето, – согласилась Аля тем мечтательным тоном, которым заговаривала всякий раз перед тем, как собиралась погрузить их обоих в одну из своих тайн, не имеющих объяснения.

Митя украдкой взглянул на Гелю, чтобы успеть заметить и запомнить, как изменилось от предвкушения ее лицо. На это лицо он готов был смотреть не отрываясь. Ему виделись черты самой Жизни, которая вбирала в себя и ночь волос, и солнце глаз, и весеннее цветение губ. Думая о Геле, он становился восторженным, как впервые влюбленный гимназист.

Но так бывало не всегда. Порой он принимался злобредно отыскивать в ней недостатки, чтобы потом в душе взрастить их, крошечные, до гигантских размеров. Ужаснуться им и отрезвиться. Его несчастье заключалось в том, что он не успевал дождаться, пока семена дадут всходы, и влюблялся в Гелю снова и снова.

Она угадывала эти жалкие попытки, и, как казалось Мите, бессознательно старалась удержать его, улыбаясь ласковой обычного и даже касаясь его рукой. А это вовсе не было для них обычным делом, хоть они и дружили всю жизнь. Что-то в Геле противилось физическому сближению, она и с Алькой никогда не обнималась...

Митя пытался уверить себя, будто Геля попросту фригидна, поэтому у нее и романов-то никаких нет. Не только с ним, ни с кем вообще. А еще тщеславна, и работа занимает ее больше каких бы то ни было человеческих отношений. И вообще, если разобраться, что в ней такого уж хорошего?!

А потом, лежа утром в постели, слушал веселый голос по радио, который уговаривал и его в том числе скорее улыбнуться новому дню, и опять признавал: вовсе не тщеславие заставляет Гелю мчаться на студию, когда все еще спят, и сражаться одной против мрака сонного города, даря радость и свет. Она представлялась ему самоотверженной Жанной д'Арк, выступающей против самого Князя Тьмы.

И потому, когда Митю остановили на улице ребята с телевидения и задали смешной на первый взгляд вопрос: «Кого вы считаете героем нашего времени?», он, не поколебавшись ни секунды, ответил: «Диджея „Новой волны“ Гелю Козырь». И зачем-то добавил, что Козырь – это не псевдоним, а настоящая фамилия.

Не ожидавшие столь определенного ответа, ребята переглянулись и неуверенно засмеялись: «Шутите?» Митя постарался вдохнуть побольше морозного воздуха, чтобы голос прозвучал по возможности холодно: «Ничуть. Это человек, который в одиночку борется против целой армады тех, кто с утра портит нам настроение. Кого же, как не ее, назвать героем нашего времени?»

Через неделю Митя отыскал в телепрограмме передачу, которую без лишней скромности так и называли: «Герой нашего времени». Он как бы ненароком включил телевизор в это время

и замер, стараясь загнать внутрь разбегающуюся по телу дрожь. Геля, которая в тот момент взхлеб пересказывала Альке последние сплетни, посмотрела на него с недоумением, но Митя зажал пульт в руке, намереваясь защищаться до последнего. Он ждал, положив палец на кнопку громкости, чтобы в случае чего сразу прибавить звук. И тогда она услышала бы...

Но его не показали. Наверное, редактору программы Митя показался не телегеничным. Или он решил, что парень откровенно издевается, и это нельзя выпускать в эфир.

Как бы там ни было, Геля не узнала, как на самом деле Митя относится к ее работе, над которой обычно беззлбно посмеивался.

Он вспоминал все это, пока Алька готовилась к диковинному сеансу, который любой, не знакомый с ней человек, счел бы шарлатанством. Потому-то за столько лет ни Геля, ни сам Митя никому об этом и словом не обмолвились. Им было приятно владеть тем, чего нет ни у кого.

Алька поставила перед диваном стул и водрузила на него одну из своих картин.

– Что это? – спросил Митя, вытянув шею.

Он все еще сидел за столом, теребя плотный край непригодившегося круга, и не мог видеть, какую из работ выбрала сестра.

– Садись сюда, – предложила Геля и похлопала рукой рядом с собой. В последнее время она сильно похудела, и запястье стало до того тонким, что сбоку по-детски выпирала круглая косточка.

– Ну если вы настаиваете, – скривив рот, пробормотал Митя и быстренько пересел, пока она не передумала.

Геля скосила на него веселый глаз, но ничего не сказала. Ему и в голову не пришло, что это из сочувствия... Митя решил: просто она уже настроилась на Алькину волну, и ей жаль нарушать волшебное волнение, какое, наверное, испытывала Золушка, поставив ножку на первую ступеньку золоченой кареты. Она ведь тоже в тот миг не знала наверняка, случится еще большее чудо или нет... Но само предвкушение уже обернулось волшебством.

На холсте, который выбрала Алька, была только дорога. Она уходила к горизонту, неуверенно виляя среди пушистого ковыля, словно только сейчас рождалась, и решала на ходу, куда направиться: к свету или во тьму, ведь половину неба закрыла собой туча, тяжелая и мрачная, но Митю она не подавила. Он сразу решил, что туча уходит...

А на другой половине холста небо казалось таким безмятежно-прозрачным, откровенно ленивым, что, когда Аля начала свое колдовство, Митя сразу почувствовал, как лежит на спине, поглаживая лицо мягкой кисточкой ковыля, и смотрит в голубое небытие, ничуть не пугающее пустотой. Ведь в ней столько света...

Он до сих пор понятия не имел, как Алька это делает. Да Митю не особенно и занимало, гипнозом она владела или чем другим... В детстве они считали это игрой: задернув шторы, втроем забирались в угол между диваном и окном, и Алька начинала пересказывать ту фантазию, которая влетела в ее круглую голову. То ли она действительно все это отчетливо видела, то ли придумывала на ходу, им с Гелей казалось неважным... Алькин шепот утягивал их в тот самый мир, куда был обращен ее странный взгляд. И они поддавались ему, позволяя увлечь себя, лишив привычных тел, но сохранив физические ощущения.

Это было абсолютно необъяснимо и великолепно.

* * *

Алька так никому и не рассказала того, что произошло с ней еще в детстве. Она точно и не помнила, сколько ей было, когда это случилось, и даже не могла с уверенностью сказать – случилось ли? Ее тогда едва отходили после тяжелой ангины, но кризис уже остался позади, хотя температура еще скакала, обдавая маленькое тело то ознобом, то испариной. Стараясь не

разбудить брата, она бесшумно меняла ночную рубашонку и влажную старательно развешивала в изголовье кровати.

Минут через десять все приходилось повторять, и Алька уже чувствовала себя изнуренной. Она просто нахлобучивала мокрое бельишко на деревянную спинку и падала на подушку, уверенная, что больше не поднимется.

В такую-то минуту в ночном небе, которое она увидела через несколько потолков и крышу, даже не открывая глаз, возник синий свет. Он исходил из одной точки, но что-то подсказало Альке: это не звезда. Тогда и возник тот вопрос, который она задавала себе до сих пор: «Что это?»

Алька помнила, как твердила эти два слова, но не со страхом, а с восторгом, явственно чувствуя, как приближается к свету, возносится с невозможной скоростью. И вместе с тем она отчетливо ощущала свое тело с влажной шеей и вспотевшими ладошками. Алька точно знала, что не спит, и потому это замирание с высоты – «А-ах!» – которое было не менее явным, объяснялось только одним: ее тело поделилось надвое, и невидимая его часть уносится к синему свету. Это ничуть не походило на обычный полет, какие все дети совершают во сне. Вознесение было необыкновенным, и восторг был невероятным, такого Алька никогда больше не испытывала, и свет...

«Что это?!»

В какой-то миг она даже испугалась того, как ей было хорошо. Альке показалось, будто она умирает, и потому так хорошо. Приподняв голову, она посмотрела на полуголового Митю, который, засыпая, всегда отпिनывался от одеяла, как от злейшего врага. Потом потрогала свой лоб – он показался Альке уже не таким горячим.

И вдруг затосковала: «Я не долетела... Он исчез».

Шальная мысль, из тех, что может прийти только ночью, разом овладела маленьким существом девочки: «Может, получится еще раз?» Она откинулась на подушку и закрыла глаза. Знакомая синяя точка приветливо вспыхнула... «Где? В небе? Во мне?» – до сих пор пыталась понять Аля. Тогда она опять почувствовала, как возносится...

А потом вдруг оказалась на дереве, куда мечтала забраться с начала лета, но побаивалась. Оно было таким высоким, что уже этим выделялось даже среди рослых сибирских деревьев, и не могло принадлежать ни к одному классу. Альке всегда казалось: растениям, таким одновременно нежным и выносливым, должно быть обидно, что их так скучно, как в школе, делят на классы. Дерево, на котором она оказалась, какой-нибудь ученый тоже в два счета определил бы в класс, но Алька и сейчас не пыталась узнать его название. Оно было просто Деревом...

С тех пор синий свет каждый раз доставлял ее в то место Земли (а может, не Земли?), о котором она только что думала или пыталась вообразить. Эти странные путешествия давались ей так легко и оказывались настолько увлекательны, что Алька посчитала несправедливым в одиночку пользоваться этим подарком («Чьим?»). И тогда она просто попросила разрешения, чтобы Геля с Митей тоже немножко полетали...

Позднее Аля начала использовать свои картины. Она ставила перед ними холст, и они погружались в его невидимую глазом глубину, проваливались и не находили сил выбраться наружу, пока Алька сама их не вытаскивала. После таких «чудес» Митя не раз думал, что вопреки известной мудрости, бесконечно долго можно смотреть только на лицо Гели и Алькины картины. И в том и в другом случае он чувствовал себя счастливым.

Сейчас Митя ощущал спиной, как приятно покалывают сухие травинки, которых почему-то всегда полно, хоть в начале лета, хоть в конце, как среди молодых людей непременно живут старики. В одну ладонь забрался гладкий подорожник, и его доверчивое прикосновение расстрогало... С другой стороны прильнул репейник, и, хотя Митя не забывал, что ничего не может унести с собой из этого мира, у него промелькнула мысль: вдруг перепончатая головка репья прицепится к рубашке?

«Все эти места, которые я рисую, они на самом деле существуют, – уверяла Алька. – Не выдумала же я их! Может, они находятся где-то в параллельном мире, я не знаю. И как нашла туда лазейку, тоже не представляю... Она сама нашла меня. А я сумела вас провести. Но ты не спрашивай: как? И почему именно я? Понятия не имею!»

Он и не спрашивал. Мите было вполне достаточно того, что Алька давала ему возможность испытать такой восторг, какого не доставляло больше ничто.

Не совершив усилия, Митя поднялся и проследил взглядом, куда тянется заскорузлая рука дороги. В ее изгибах застыло сомнение, будто она звала с собой, но не слишком настойчиво, ведь и сама не представляла, куда выведет.

Уже собравшись шагнуть к нарисованному сестрой горизонту, Митя внезапно замер, пораженный мыслью, которая была так очевидна, что невозможно было понять, почему до сих пор она не приходила ему в голову. Он подумал: «Каждый раз Алька уводит за собой нас обоих, почему же я всегда оказываюсь тут, внутри, один? А где Геля? Почему даже здесь мы не вместе?»

В ту же секунду Митя обнаружил, что опять оказался в мастерской, и услышал долгий Гелин вздох:

– Ох, Алька, спасибо! Я только благодаря твоим чудесам и бываю счастлива!

Ему хотелось спросить, что увидела там она? Почему оно сделало ее счастливой? Митя взглянул на часы: с той минуты, когда он пересел на диван, прошло полтора часа, а ему показалось – не больше пяти минут. Эти провалы уже не удивляли его, но объяснить их Митя по-прежнему не мог.

Не рассчитывая на помощь, он все же посмотрел на сестру. Глаза у нее сияли, как в те дни, когда она начинала новую работу. Тогда Алька и улыбалась по-другому, и смотрела иначе. Без работы она угасала, и тогда Митя еще более отчетливо, чем когда бы то ни было, понимал, что готов гонять свое такси по городу целыми сутками и зарабатывать за двоих, лишь бы возродить это тихое сияние во взгляде сестры.

Его достаточно болезненно задевало то, что Геля помогает ей больше: те картины, которые Але удалось продать за эти годы, все до одной тоже были пристроены с помощью подруги. Каждый раз Мите приходилось проглатывать это с трудом, но он ничего не мог поделать, ведь предприимчивости был лишен начисто.

«Вокруг Гели пруд пруди энергичных, заводных мужиков, – уныло думал он, впадая в душевный мазохизм. – Я против них просто слизень какой-то... Зачем я ей? Даже и пытаться не стоит...»

Напомнив себе об этом в очередной раз, Митя ушел на свой топчан, стоявший в углу мастерской с тех пор, как он перебрался к сестре. Ему все было недосуг соорудить себе более удобное лежбище, хотя в свободное время Митя ничем особенно не занимался. Если б спросили, как он проводит дни, пожалуй, и припомнить не удалось бы ничего: вроде бы что-то читал, вроде бы что-то смотрел...

Время от времени его охватывал стыд за то, что он так транжирит жизнь впустую, а обе девчонки вкалывают как проклятые... Правда, он тоже не бездельничал, но это было всего лишь зарабатывание денег, а не работа в том смысле, как ему хотелось бы. Но что может стать для него делом жизни, Мите никак не удавалось придумать. Ни таланта, ни призвания к чему-либо он в себе не обнаруживал, и со временем приучился оправдываться: при рождении все досталось Альке. Обвинять ее в этом было бессмысленно, к тому же Митя точно знал: если б от сестры зависело, чтобы вышло как раз иначе, она с готовностью перелила бы свои природные силы в тело и душу брата. Но это было не подвластно даже ей...

– Ты уже спишь? – шепотом спросила Геля, наклонившись над его топчаном.

Не открывая глаз, Митя мгновенно представил, как уродливо торчит его нос, похожий на затупившийся клюв, и в который раз с ненавистью обозвал себя «чертовым Сирано». Навер-

няка Митя не помнил, но ему казалось, что единственный раз он расплакался над книгой, когда лет в пятнадцать прочитал Ростана. Все было слишком похоже: носатый урод и красавица... Но Митя оскорбительно проигрывал и этому несчастному – у него не было даже таланта.

Это тогда он сказал себе «даже», ведь был слишком юн и глуп и не понимал, что талант способен очаровать женщину сильнее красоты. Митя догадался об этом спустя время, когда Геля пренебрежительно отозвалась об одном потрясающе красивом актере: «Да ну... полная бездарность».

Тогда же Митя понял и другое: его не спасет пластическая операция, мечту о которой он вынашивал с детства. Ведь никто не мог пересадить ему другую душу...

* * *

Ей хотелось спросить, как сделала Геля: «Ты спишь?», только адресовать это уже ей. Но шепот, который обладает змеиной способностью вползть даже в самое замутившееся сознание, мог разбудить подругу, и тогда пришлось бы ждать еще какое-то время.

Аля только и делала, что ждала: с утра начинала изнывать в ожидании ночи, ведь брат хоть и уходил на работу, но имел обыкновение то и дело заезжать и проводить ее. Раньше Алька этому радовалась, но с тех пор, как она придумала ту самую картину, а потом обнаружила в ней Линнея, внезапные Митины возвращения стали совсем некстати.

Вечерами она нетерпеливо дожидалась, пока Митя утомится и насмотрится телевизор, потом начинала прислушиваться к его дыханию: спит – не спит? Все эти секунды, минуты, часы, которых другие и не замечали, тяжелели, проходя сквозь Алькино сердце, и оседали в нем не одной, а множеством свинцовых пуль. И каждая рана болела так, что изо дня в день Алька приучала себя к мысли: до вечера она может и не дожить...

Сейчас она, не отрываясь, смотрела на удивленный, совсем не страшный львиный профиль, который сам собой сложился из лежавших вперемешку старых номеров «Нового мира», «Октября» и Митиных автомобильных журналов.

«Если ты – царь, так сделай же что-нибудь, – мысленно просила его Аля. – Усыпи их поскорее... Я сейчас просто умру от этого ожидания».

Но лев продолжал бездействовать, глупо разинув беззубую пасть. Он был слишком маленьким, чтобы ей помочь, к тому же на книжных героев, даже самых лучших и сильных, нельзя рассчитывать всерьез. А в том, что с недавнего времени стало для Альки главным, она вообще могла положиться только на себя...

– Ты спишь? – все же произнесла она одними губами, потому что больше не могла держать эти слова в себе, как невозможно удержать рвущийся из-под земли родничок.

Без Линнея она чувствовала себя такой вот землей – тяжелой, высохшей, старой настолько, что уже потеряла счет прожитым тысячелетиям. Но родничок, просившийся наружу, мог оживить ее и снова заставить цвести, как случалось (вопреки законам природы) каждую ночь. Он гнал ее к холсту, который Аля прятала от всех, даже от брата. Даже от Гели. Алька скорее умерла бы с голоду, чем согласилась продать эту картину, ведь в ней, точно у бедняги Кощея в игле, заключалась ее жизнь.

Теперь она действительно думала о Кошее с сочувствием: страх сделал его безжалостным к людям, любому из которых ничего не стоит переломить острый кончик иглы – не нож ведь в спину всадить! Точно так же кто угодно, даже не из ненависти, а из шалости, мог испортить заветный Алькин холст. Плеснуть краской, прожечь сигаретой... Что такого уж ценного в изображенном на нем рыбацком поселке?

Аля точно знала, что не пережила бы эту картину ни на час. Конечно, можно было бы попытаться восстановить ее, ведь рука помнила каждый мазок, но заранее было страшно –

созданное в другое время уже не может быть таким же. Не тот берег, не тот поселок, не тот Линней...

– Береги себя, – прошептала она, обеими руками поглаживая затянутый холстом подрамник.

Аля обращалась не к картине даже, в которую собиралась войти, а к Линнею, и видела его глаза, смотревшие и сквозь волны, и сквозь дымчатое марево вечернего неба. Там всегда был вечер, может, от этого Линней выглядел таким уставшим и печальным.

Еще раз оглянувшись на уснувшую подругу и послушав, как расслабленно посапывает Митя, во сне забывавший о своей некрасивости и начинавший улыбаться, Аля умоляюще протянула к холсту руки:

– Прими меня.

Ее тотчас потянуло, понесло, а нетерпеливый родничок, по-прежнему подталкивая, обжег ноги холодком. Аля инстинктивно поджала одну и только тогда заметила, что забыла обуться. Но Линнею не было до этого дела... Вообще не было дела до того, как Алька выглядит – он ни разу ее не видел. А вот самой с непривычки было зябко, хотя по мастерской Аля разгуливала босиком. Правда, пол там был куда теплее остывших камней у моря.

Стараясь не наступить на острое, она подобралась поближе к сухой траве, которая небрежно отбрасывала на гальку бесцветные жидкие пряди. Идти стало легче, хотя и было немного колко, но земля меньше остыла без солнца – за тысячелетия она научилась хранить его тепло.

Наклонившись, Алька погладила растрепанные волосы земли, которую всегда чувствовала, как саму себя, и потому сжималась, когда приходилось вонзать в почву маленький колышек для палатки. Только она не делилась этой тайной болью даже с братом, ведь он любил выбираться за город и ловко разбивал лагерь. Как-то Аля сказала об этом Геле, которая сперва сделала удивленные глаза, потом пожалала плечами: «Наверное, ты так и чувствуешь... Почему ты видишь все, чего мы не замечаем? Откуда у тебя это?»

Вопрос не требовал объяснений. На самом деле Геля и не пыталась выяснить источник... Она была не из тех, кто уничтожает прелесть солнечного зайчика, изучая законы преломления света. Ее вполне устраивало, какой была Алька, и ни одна из них ни разу не потребовала, чтобы другая в чем-то изменилась. Они не забывали о том, что именно это и развело миллионы людей.

Позволив влажному ветру немного повозиться с ее короткими волосами, Аля улыбнулась ему и стала подниматься к поселку по тропинке такой же кривой и заскорузлой, как ноги рыбаков, ее протоптавших. Сегодня не было слышно чаек. Алька даже остановилась, заметив это, и удивленно склонила голову набок, прислушиваясь.

Ее вдруг охватил ужас: что-то случилось тут со вчерашней ночи, и все вымерло. В сердце больно ударило, и она вскрикнула, хотя обычно здесь не позволяла себе никаких звуков:

– Линней!

В панике наступив на сухую, острую ветку, она упала на колени, уже не удивляясь тому, что все ощущения тут, пожалуй, еще отчетливее, чем в обычной жизни, хотя сама Аля здесь как бы и не существовала. Ни Геля, ни Митя не испытали этого странного осознания себя призраком, ведь вводя обоих в свой мир, она ни разу не позволила им встретиться ни с кем из людей.

В детстве Аля делала это скорее бессознательно, хотя какое-то внутреннее опасение, что выдуманные ею люди могут оказаться интереснее, чем она сама, уже тогда зародилось в ней. Повзрослев, начала задумываться о том, чем могла бы обернуться такая встреча, и однажды пришла к выводу: надо проверить это на себе.

Она сделала шаг навстречу жившим в ее воображении людям, и первым увидела Линнея...

Его небольшой, но двухэтажный домик желтого цвета стоял в самом центре поселка. Але казалось, будто остальные постройки – дома и хижины, сараи и собачьи будки, – разбегаются от дома Линнея, как лучики солнца. Никогда она не пыталась разобраться: возникает ли то, что ей удастся увидеть благодаря ее фантазии, или все это существует само по себе, а ей лишь помогают отыскивать щелку в плотной завесе, отделяющей один мир от другого? Всегда ведь находится прорезь в театральном занавесе...

То, что ей не дано это узнать, Аля принимала спокойно, ведь художнику невозможно понять, как на самом деле рождается искра, из которой развивается замысел. Секунду назад в тебе был полный мрак, и вот уже ты полон. Не просто полон, из тебя так и брызжет, и ты владеешь несметным богатством, вот только момент, в который это произошло, опять ускользнул. Не тебе он принадлежит, и незачем на него претендовать. За годы, проведенные у мольберта, Алька успела это понять.

Сейчас Аля не думала об этом... Она бежала к дому Линнея, не слыша ничего, кроме собственного срывающегося на стон дыхания. Тишина, следовавшая по пятам и подстерегавшая впереди, пугала до того, что сердце то и дело останавливалось. Всего на долю секунды, так, чтобы жизнь не успела ускользнуть, но все же останавливалось.

– Не ты, не ты, – стон оборачивался словами, похожими на обрывки.

Аля проклинала на бегу свое тело, которое не могло передвигаться быстрее даже в этом мире, где она должна была бы переноситься со скоростью мысли, но так не получалось. Кое-как преодолев расстояние, уже показавшееся бесконечным, Алька распласталась у окна, через которое всегда следила за Линнеем, если он не выходил из дома. И тут же еще лихорадочнее заколотилось сердце и затряслись ноги, но в этой дрожи больше не было ужаса, одна только радость.

Линней сидел за столом, а вокруг еще не меньше десятка мужчин, которые выглядели подавленными, но в тот момент Аля этого не заметила.

«Вот почему поселок кажется опустевшим!» – ей захотелось смеяться от облегчения, но она никогда не знала заранее, как поведет себя иллюзорный мир, и потому не рисковала, чтобы случайно не выдать себя. К тому же больше хотелось слушать голос Линнея, чем собственный.

Он пристроился сбоку, но казалось, будто Линней сидит во главе стола, ведь остальные смотрели на него. На нем уже не было докторского халата, как обычно в это время, только темно-синий трикотажный пуловер и черные брюки. Но чувствовалось, что он недавно закончил работу и потому выглядел усталым. И даже не улыбался, это заставило Алю насторожиться. Она уже привыкла видеть на лице Линнея улыбку, не слишком широкую, не напоказ, но ее было достаточно, чтобы в самые тяжелые для себя минуты Аля думала: «Ты улыбаешься, милый, значит, все хорошо. Я все переживу, перетерплю что угодно, только бы ты улыбался...»

Сейчас лицо Линнея было пасмурным, и Алька едва удержалась, чтобы не закричать в голос: «Что произошло?!» Эти люди, собравшиеся в его доме, пугали... Даже когда на ее глазах принесли одного молодого рыбака с распоротым животом, Линней сразу выставил всех из дома, оставив только старую помощницу. Она была такой полной, что они, казалось бы, должны были мешать друг другу, а им удавалось работать на удивление слаженно, и Аля следила за ними, как замороженная.

Ее даже не отвлекали рыбаки, которые слонялись вокруг дома и от страха грубо, жестоко шутили:

- Во дает, свое брюхо за рыбе принял!
- И то! Скользкий парень. Вот и спутал малость...
- Ничего, док его нафарширует и погуляем на славу!
- Такого улова у нас еще не было...

Когда Линней, наконец, вышел к ним, у него от усталости подрагивали губы, а глаза стали совсем черными, хотя в действительности были серыми, как у самой Альки.

– Порядок, – сказал он, ни на кого не глядя. – Парень здоровее синего кита. Выживет.

В тот раз Аля побоялась оглянуться, забыв, что не сможет смутить рыбаков, даже если заметит на их глазах слезы: они-то ее не видели. Не сказав больше ни слова, Линней ушел в дом, но меньше чем через минуту вернулся с бутылкой местной водки. Следом появилась его помощница с двумя стаканами на всех – больше у него в доме не нашлось. Они пили за здоровье пострадавшего по очереди, чокаясь парами, и Линней тоже выпил с кем-то и, наконец, разулыбался, словно только сейчас осознал, что опасность и в самом деле позади.

Когда Линней улыбался, лицо у него становилось немного смущенным, будто его не оставляло внутреннее убеждение, что ему не положено радоваться. Однако удержаться от этого не мог...

Хоть он выходил в море редко и только для собственного удовольствия, ведь рыбой его снабжали постоянно, кожа у него тоже была обветренной, и все же черты казались тоньше, чем у тех, среди кого он жил. Але хотелось узнать, из какой он семьи и как оказался в этом одиноком поселке, но спросить она не могла. Оставалось надеяться, что Линней сам расскажет кому-нибудь при случае, а ей удастся подслушать.

Она ничуть не стеснялась подглядывания, ведь в ее намерения ни на секунду не входило что-либо дурное. Иногда Алька, не всерьез, конечно, даже называла себя ангелом-хранителем Линнея: у нее всегда оставалась надежда прийти ему на помощь, если она окажется здесь в момент опасности. Правда, трудно было даже предположить, что может угрожать доктору, ведь все любили его и относились так бережно, точно Линней был ребенком, который не становился менее незащищенным, научившись спасать чужие жизни. Когда Аля поняла это, ей стало спокойнее за него.

Но возвращаясь в мастерскую, она частенько смотрела на холст и представляла огромную волну, которая однажды накроет рыбацкий поселок. Конечно, в этот момент Аля должна оказаться рядом с Линнеем и спасти его...

Она понимала, каким ребячеством пропитаны эти фантазии, а ей уже тридцать и пора взрослеть, если она не хочет прослыть инфантильной дурочкой. Но Алька оправдывалась тем, что взросление должно быть движением вперед, к чему-то значительному, а в ее жизни до сих пор не возникало ничего более важного, чем Линней.

И он уже был с нею. Даже если она всего лишь смотрела на него через окно, как сейчас...

Линней обвел всех сидевших за столом медленным печальным взглядом:

– Я знаю, он мой сын, не нужно напоминать мне об этом. А вы знаете, что он вырос не со мной. Я не воспитывал его... Как же я могу на него повлиять? Он взрослый человек. Богатый. И, насколько мне известно, строптивый, как...

– Ему еще нет двадцати, – сказал один из мужчин, сидевших к Але спиной.

Синяя хлопчатобумажная куртка до того натянулась на его плечах, что казалось, вот-вот раздастся короткой треск.

– В девятнадцать я уже был его отцом, – напомнил Линней без особой радости в голосе. – Крон не будет меня слушать. С какой стати? Может, он слышал обо мне, но знать не знает... Скорее уж, он послушает моего брата, его он признает, как отца...

Самый старый из рыбаков поднял похожее на сосновую кору темное лицо, которое оживляла только ярко-белая щетина, и с расстановкой произнес:

– А может, и не признает.

– Не признает губернатора острова? – не поверил кто-то из молодых.

Старик с презрением отозвался:

– А что ему наш остров? Ты не серчай, Линней, но только твой Крон ни во что не ставит ни остров, ни всех, кто на нем живет. И на губернатора он плевать хотел!

Линней сдержанно отозвался, только сильнее сцепив длинные пальцы лежавших на столе рук:

– Я знаю. Крон никого не любит.

Внимательно посмотрев на него, старый рыбак проговорил еще медленнее:

– Это не твоя вина. Если б наша Сана осталась жива, вы смогли бы вырастить Крона другим человеком.

Чей-то молодой голос едва слышно спросил:

– Говорят, она умерла, когда рожала его?

– Внутреннее кровотечение открылось, – в голосе Линнея не слышалось ни боли, ни раздражения на любопытного юношу. – А тогда в поселке не было никого, кто мог бы помочь моей жене. Мы не довезли ее до больницы.

Старик пояснил таким тоном, будто Линнея и не было за столом:

– Вот тогда-то он и решил стать доктором. И стал, а что вы думали?

– Обычная история, – заметил Линней. – Из тех, кто со мной учился, человек десять тоже выбрали эту профессию потому, что кому-то из их близких не успели или не смогли помочь. Чтобы подобное не повторилось.

– А каким это макарон повторится, если ты один живешь? Кого спасти-то? – хмыкнул кто-то.

Но старик тут же сердито прикрикнул:

– Попридержи язык! Если б Линней не выучился на доктора, твои кишки так и плавали бы по всему морю.

«Значит, это и есть тот парень с распоротым животом, – догадалась Аля. – Лучше б Линней ему голову подлечил!»

Отвлечшись, она попыталась наспех подсчитать, сколько времени прошло в реальной жизни, если здесь уже минуло с четверть часа. Выходило – не меньше трех часов. Пора было возвращаться, ведь Митя обычно вскакивал среди ночи и начинал шумно пить воду. Алю всегда беспокоило: какая жажда мучит его во сне? Но брат никогда ничего не мог вспомнить. Он утверждал, будто вообще не видит снов. Тогда она начинала подозревать, что его сушит собственная пустота...

– Линней, – прошептала она, не находя в себе сил оторваться от его окна.

Внезапно он повернул голову. Его волосы, в последнее время ставшие пепельными от появившейся седины, не свисали к плечам, как у большинства рыбаков. Они были коротко подстрижены, но, видно, Линнею некогда было следить за ними, и спутанные пряди произвольно лежали на крупной голове. Сейчас он, будто внезапно о них вспомнив, медленно провел ладонью от макушки ко лбу и сморщил его, словно за рукой стянулась вся таившаяся в мыслях тяжесть. Светлые глаза Линнея потемнели от того, что зрачки резко расширились, и Алька едва не бросилась прочь от этого взгляда, который, казалось, мог не только различить ее, но и проникнуть внутрь, в самое сердце, куда до сих пор она никого не пускала.

«Линней», – она уже не посмела произнести этого вслух, но внутри нее все кричало и рвалось ему навстречу. «Почему – нельзя?! Раз уж я пробралась сюда... Неужели я не могу хотя бы дотронуться до него? Погладить его губы... Просто погладить. И не губами даже, одним дыханьем... Я ведь больше ничего и не хочу. Ничего другого. Никого другого...»

– Там кто-то есть, – сказал Линней, и хотя в такой компании можно было ничего не опасаться, голос его прозвучал встревоженно.

Первое время, когда Аля еще только пропитывалась им, она часто думала, что больным должно становиться лучше от этого голоса, такого мягкого, обволакивающего. У рыбаков были другие голоса – резкие, громкие, похожие на крики чаек. Она понимала: иначе им в море не услышать друг друга, и радовалась тому, что Линней не рыбак.

– Может, кто и распустил уши, так чтоб подкоротить – это мы враз, – грозным тоном произнес тот, кого Аля уже не раз видела в этом доме.

Его покрасневшее от влажных ветров лицо по форме напоминало тяжелую грушу, и Альке он казался забавным, хотя и был просто огромным и старался выглядеть очень свирепым.

Ее тронуло его отношение к Линнею: неумелая, застенчивая заботливость. Он приходил и молча просиживал целые вечера, слушая, как доктор разговаривает с более словоохотливыми рыбаками, и при этом не спускал с него благодарного взгляда. Аля предполагала, что некогда Линней здорово помог ему или кому-то из его семьи. У этого человека, которого звали Жок, было двое сыновей и три дочки. Про себя Аля посмеивалась, что Жок, наверное, подумывает уступить кого-нибудь из своих детей Линнею, если тот, конечно, захочет. Лишь бы в солнечном домике доктора не было так пусто.

– Да кто там может быть? – лениво отозвался чей-то голос. – Поди, кто-то из ребятишек... Женщины еще с рынка не вернулись.

– Нынче из города идти против ветра... Поглядите, что делается! Так и хлещет в лицо.

Алька только сейчас и вспомнила: когда бежала от берега, ветер подгонял ее, обдавая мелкими брызгами босые ноги.

– А мне все кажется, что там кто-то есть, – задумчиво сказал Линней, поглядывая на окно.

Жок опять встрепенулся, напряг могучую красную шею:

– Ты кого-то боишься?

– Нет, – Линней взглянул на него с удивлением и улыбнулся. – Не боюсь. Скорее, жду...

Старик с сомнением кашлянул:

– Думаешь, Крон сам заявится к тебе?

Линней рассеянно переспросил:

– Крон? Нет, он не придет. Мы сразу договорились с братом, что я не буду встречаться с Кроном. Может, он и не говорил ему правды, кто знает... Да и нужно ли?

– Уж от губернатора правды не дождешься, это точно...

Обращаясь к молодым рыбакам, которые могли и не знать подробностей, старик пояснил:

– Наш губернатор старше Линнея, считай, лет на десять. Он и тогда уже был большой шишкой...

– Помощником прежнего губернатора, – нехотя подсказал Линней.

Его пальцы сжались так, что ногти с краешка побелели. А старик продолжил:

– И женат был не первый год. А деток им с женой, по всему видать, не дожидаться было, коли до сих пор своих нет. Вот брат и уговорил Линнея отдать сынишку им с женой. Сам, мол, посуды: как грудному ребенку без женщины? А Линней о другой жене тогда и слышать не хотел...

Аля увидела, как Линней поморщился, но перебивать старика не стал. Это сделал Жок, который не был особенно обременен знанием этикета. Хмуро оглядев всех, он напористо проговорил:

– Линней тогда сам не свой был от горя. Куда ему с малышом? А тот, брат его, значит, все твердил: семья нужна, семья...

Линней решительно остановил:

– Ну ладно, хватит. Как бы там ни было, Крон вырос, и теперь нам всем предстоит от него настрадаться. Если, конечно, он сам не оставит эту затею с покупкой прибрежной полосы.

Один из рыбаков выкрикнул так остервенело, будто Крон тоже присутствовал при разговоре:

– Это наша земля! Поселок стоит на ней уже лет двести, никак не меньше.

Линней согласно кивнул:

– Это верно. Только фактически эта земля такая же федеральная собственность, как и весь остров. И решение о ее продаже может принять только губернатор. То есть отец Крона. Думаете, он ему откажет?

Светловолосый парень с веселым лицом, блестящим так, будто к коже прилипли рыбы чешуйки, навалившись на стол, жадно спросил:

– А как это Крон так враз разбогател?

– Никто не знает, – ответил тот, что сидел спиной к окну, и чья куртка потрескивала на плечах. – Может, кого ограбил...

– С него станется...

– Не будем говорить о том, чего не знаем, – строго заметил Линней.

Аля подумала, что ему все же неприятно выслушивать гадости о своем сыне, насколько бы условной ни была близость между ними. Ей захотелось увидеть Крона, о существовании которого она до этого дня и не догадывалась, хотя с первого же взгляда поняла: Линней носит в себе какую-то боль.

Каждый раз, оказываясь в этом поселке, Алька пристально всматривалась в лица людей, пытаясь угадать: кто из них ранил Линнея? Но Крона она ни разу не видела, и где искать его, не знала. Оставалось надеяться, что, как всегда, все произойдет само собой. Стоит ей только очень захотеть...

Правда, Альке уже заранее было жаль тратить на Крона те часы, в которые она могла бы любоваться его отцом.

Мысль о том, что Крон может оказаться похож на него, казалась ей оскорбительной. Никто в мире не мог походить на Линнея, сказала она себе. Любимый человек всегда уникален. Он может иметь те же формы тела, как у миллионов других людей, тот же цвет глаз и длину волос, но все это лишь незначительные детали, ведь совсем не эти внешние признаки делают его – любимым. Все объясняется тем, что где-то внутри его существа спрятан тот невидимый магнит, который притягивается с твоим собственным. А все остальные – отталкиваются, хотя на взгляд они неотличимы.

Изменить это положение вещей невозможно, так создала природа. Ее можно подправить на свой вкус, но при этом теряется главное, что в человеческих отношениях не менее ценно, чем в заповедном лесу, – естественность. И должно так же бережно охраняться.

– Видать, он клад нашел, – предположил старик, внимательно разглядывая свои темные, сухие пальцы. Альке были видны маленькие, болезненные трещинки на сгибах.

Линней вздрогнул и посмотрел на него с замешательством:

– Об этом я не подумал...

Вопросительная тишина, нависшая над столом, требовала пояснения, и он нехотя пояснил:

– Сана умела находить места, где зарыты клады. В старину наш остров частенько навещали пираты...

Старый рыбак сокрушенно покачал головой:

– Жаль, что мы тогда не додумались попросить ее отыскать побольше сокровищ и выкупить землю под нашим поселком. Док, она не передала тебе свои секреты?

– Нет, – с сожалением причмокнув, отозвался Линней. – По-моему, их и нельзя было передать. Это было внутри нее. Какое-то чутье... Валявшиеся на дороге монетки она угадывала шагов за двадцать. Может, Крон тоже родился с этим?

И воскликнул с раскаянием, от которого Алька сжалась в комок:

– Я совсем ничего о нем не знаю!

Громко отодвинув тяжелый табурет, Линней шагнул к окну, но не к тому, за которым стояла Аля, а к соседнему. Она скользнула за ним следом и замерла чуть сбоку, с беспомощным состраданием наблюдая, как подергивается от пробившейся боли его лицо.

– Может, я справился бы, – сказал Линней так тихо, что кроме нее никто и не услышал. – Вдруг я сумел бы вырастить его в одиночку? Ну да, мне было всего девятнадцать лет... Ну и что? Я просто струсил, а теперь за это должен расплачиваться весь поселок.

Это он прошептал уже совсем неслышно, но слова Жока прозвучали как бы ответом:

– При чем тут ты, Линней? Ты не виноват. И не мучай себя понапрасну... Слышь, что говорю?

Но доктор не услышал, Аля же теперь не видела никого, кроме него. Линней стоял в каком-то шаге от нее, а створки окна были открыты. Стоило податься чуть вперед и протянуть руку...

– Я все жду тебя, – вдруг шепнул он с тоской, и глаза у него стали совсем больные.

«Кого?!» – Аля отдернула уже потянувшуюся руку.

– Может, ты мне поможешь...

Линней глядел на море, которое казалось почти черным, потому что солнце садилось с обратной стороны острова. Если б Аля решила подвинуться чуть влево, то вышло бы так, будто он смотрит на нее. Взгляд у него был тоскливым, а все лицо казалось измученным и стареющим прямо на глазах.

«Ему и сейчас тяжело справляться с этим в одиночку, – догадалась она. – Линней из тех людей, которые могут жить в одиночестве, но не перестают страдать от него... Как бы мне остаться здесь? Как же это сделать?! Я помогла бы ему... Я сделала бы для него что угодно...»

Ее вдруг пронзило: здесь уже село солнце, значит, в той жизни оно скоро встанет.

– Кого ты ждешь? – прошептала она, еще не собравшись с силами, чтобы оттолкнуться от желтой стены его дома и вернуться в свой бесцветный мир. – Может, меня?

Но в тот же момент Аля вспомнила, какое у нее обыкновенное скуластое лицо, и вздернутый нос, в котором нет и намека на изящность, и тусклые русые волосы. Такой мужчина, как Линней, не мог увидеть такую девушку, даже если б ей удалось совсем перебраться в этот мир. Он попросту не заметил бы ее...

Виновато улыбнувшись, Аля отступила от окна, потом повернулась и пошла прочь. Туда, к берегу, который был нарисован ею самой. Она оглянулась только раз: Линней все еще стоял у окна, вцепившись в раму, и смотрел в ее сторону. Будто бы ей вслед... Аля зажмурилась и до того стиснула зубы, что справа жалобно хрустнуло.

«Ну и черт с ним, с этим зубом! – с ненавистью подумала она, все ускоряя шаг. – Зачем он мне? Мне ничто не нужно во мне самой. Все, что необходимо мне в жизни, заключено в теле Линнея. Только он этого никогда не узнает... И не отдаст».

Но зуб не треснул, выдержал. Аля обнаружила это уже в мастерской, с трудом поднявшись с пола. Даже не обернувшись к холсту, она добралась до дивана, где, закинув за голову красивые длинные руки, спала Геля. Повернувшись к ней спиной, чтобы не разбудить взглядом, Аля уставилась на стеллаж с красками, где все банки стояли вроде бы в беспорядке, на самом же деле каждая занимала свое определенное место.

«Я так и не научилась рисовать лица, – подумала она с сожалением. – Но если б и умела... Разве я решилась бы сделать его портрет? Как я объяснила бы – кто это? О, мой милый... Когда я думаю о тебе, у меня начинает так болеть сердце, что, кажется, лучше б оно совсем остановилось. Как же страшно, что мы существуем с тобой в разных мирах, и они соприкасаются только через мою любовь. Я знаю: ты есть. Я знаю, какой ты. А ты даже не подозреваешь о моем существовании. Тебе больше известно о любой песчинке у тебя под ногами. Ты видишь ее... Мне бы превратиться в такую песчинку... Все равно я значу не больше. Я уцепилась бы за твой ботинок, и ты принес бы меня в свой дом. Я закатилась бы в самый угол, чтоб никто до меня не добрался даже самым узким веником, и слушала бы, как ты ходишь, как смеешься, как разговариваешь с людьми, что им советуешь... Это такое наслаждение – слушать твой голос. Он один такой. Ни у кого нет даже похожего. Я специально ходила по улицам и вслушивалась

в голоса – твой не спутаешь ни с чьим. И твои глаза не спутаешь ни с чьими... Если б я могла нарисовать их, чтоб наконец почувствовать на себе их взгляд! Но разве можно показывать тебя кому-нибудь? Ты настолько необыкновенный человек, что в тебя сразу же влюбятся... Хотя кто? Кто увидит этот портрет здесь, у меня? Геля?»

Ее передернуло от ужаса: «Нет, только не Геля! Только не такой выбор. Этого я уж точно не переживу... Хотя, говорят, человек способен пережить что угодно. Вот только испытывать на себе не хочется... Я не буду его рисовать. Я никому его не покажу...»

* * *

Перед сном Геля успела подумать: «Никто из духов не захотел с нами общаться... Это плохо?»

Она никогда не была суеверна, так, сплевывала для порядка через левое плечо или бралась за пуговицу, если перед ней успевала прошмыгнуть черная кошка. Но все это, конечно, было не всерьез, скорее, относилось к разряду выработанных годами автоматизмов, как навсегда закрепляется привычка мыть руки перед едой.

Сейчас же все ее тело покалывало от холодного страха, поднимавшегося прямо из живота, где с недавнего времени поселилась чужая, не связанная с ней самой боль. Она была не такой уж и сильной, но почему-то пугала Гелю, не привыкшую к боли вообще: у нее были здоровые зубы, она ничего себе не ломала и не рожала, откуда ей знать боль?

И Геля ощущала ее, как враждебное существо, внедрившееся в самый центр ее организма, подобно бомбе, которая в каком бы месте ни рванула, всегда оказывается в эпицентре взрыва. Геля пыталась думать об этом с иронией и даже припоминала, сколько лет вообще не заглядывала в поликлинику («Где она хоть находится?!»), но почему-то было не до смеха.

То, что этим вечером духи не пошли с ними на контакт, казалось Геле зловещим предзнаменованием. «Чего?» – спрашивала она себя, но искать ответа не хотела. Однако, едва она уворачивалась от одних мрачных мыслей, как в голову уже лезли другие. Они оказывались такими же тяжелыми и, оседая внутри, ничуть не облегчали боли, которая от них только затвердевала.

А в мыслях пульсировало: тридцать лет – это не так уж и мало, история помнила и более скоротечные жизни. Геле не нужно было объяснять, что ценность жизни измеряется вовсе не количеством лет, но до сих пор она считала, будто уже успела сделать достаточно много. Не ломаясь перед собой, Геля признавала, что местное отделение их радиостанции просуществовало пять лет только благодаря ее способности на удивление легко договариваться со спонсорами и рекламодателями. Те на радио, кто Гелю недолюбливал, не упускали случая намекнуть – такой сексуальной девице ничего не стоит уговорить и десяток мужчин.

Когда подобные слухи доходили до Гели, она только посмеивалась. Ей и в голову не приходило ничего доказывать кому бы то ни было и бить кулаком в грудь. Порой Геле казалось, что она уже родилась с убеждением: от дураков лучше держаться подальше и не иметь с ними никаких дел. Поэтому, хотя ей все же приходилось общаться со множеством людей, дружила Геля только с двоими. И так было всегда, сколько она себя помнила.

Иногда она пыталась представить: какой была жизнь до Альки? Ведь прошли же как-то первые семь лет ее жизни... Наверняка она с кем-то играла во дворе! Вот только совсем этого не помнила. По-настоящему все началось для нее только в «эпоху Альки». Геля произносила эти слова с усмешкой, но думала всерьез. С появлением этой девочки Геля будто из куколки превратилась в бабочку и ощутила себя такой, какой и была – красивой и яркой – потому что вдруг увидела свое отражение в светлых Алькиных глазах.

Митя тоже смотрел на нее с восхищением, но оно было другого рода, с примесью негодования на судьбу за то, что эта красота никогда не будет принадлежать ему. Аля же любила

ее как истинный художник, который не станет, полюбовавшись, сжигать лес, лишь бы его не нарисовал никто другой.

Внешне все выглядело так, будто это Геля опекает подругу, а заодно и ее брата. Ведь это она платила за аренду мастерской и находила для Альки покупателей. Да и вообще, Ангелина Козырь казалась такой значительной на фоне подруги детства... Но сама-то она знала, что получает куда больше, чем дает, ведь творить чудеса умела только Алька...

Уже проснувшись (как провалилась в сон, и не вспомнила!), Геля неслышно приподнялась, опершись на локоть, и улыбнулась, оглядев подругу. Алька спала на животе, смешно, совсем по-детски скосолопав маленькие ступни и вложив одну в другую. Она всегда забиралась в постель, как мальчишка – в майке и трусиках. Геля пыталась приучить ее к красивым сорочкам, но Аля, восхищенно оглядев себя в зеркале, стаскивала легкий шелковый балахончик и совала ей назад: «Ты лучше сама носи. Я не умею в таких... Буду всю ночь сама себя караулить, как бы не порвать. У меня же плебейские привычки... Да и перед кем мне выпендриваться? Перед Митькой?»

Геля «замогильным» голосом предупреждала: «Рано или поздно у тебя появится любовник. И в чем ты ему покажешься? В этом наряде легкоатлетки тридцатых годов?» На это Алька насмешливо шурилась: «Надеюсь, он захочет увидеть меня не в сорочке, а без нее». Геля грозила ей кулаком: «Учти, мужчины возбуждаются на запах и красивое белье».

Но Алька не любила таких шуток. Она относилась к мужчинам с непонятным Геле уважением. Кажется, она всерьез считала, будто у мужчин тоже есть душа. Гелю это забавляло... Надо же, придумать такое!

Как-то раз она убежденно сказала: «Слава богу, что мы с тобой не влюбляемся. Особенно ты...»

«Почему – особенно я?» – Алька подняла свою смешную мордашку, в которой все вдруг настроенно напряглось. Ей стало страшно услышать ответ.

Не заметив этого, Геля охотно пояснила: «Ты воспринимаешь все слишком серьезно. Творчество. Дружбу. Нет, дружбу я тоже, не сомневайся. Но мужчин... Солнышко мое, я среди них кручусь целыми сутками. Это такие муда... Пардон. Ну, в общем полное... Сама понимаешь – что. Для них ничего серьезного не существует. Особенно если это связано с женщиной. Так и запомни».

Отведя глаза, Аля упрямо возразила: «Может, и мы им кажемся такими же. Ты ведь не заглядываешь им в душу – тем людям, с которыми общаешься. А снаружи мы все кажемся иными, чем есть на самом деле. Вот ты, например...»

«А что я?» – сразу насторожилась Геля. У Альки весело дрогнули уголки губ, которые вообще были такой формы, будто она всегда улыбалась: «Помнишь, как мы встретились с тобой в песочнице?» Геля протяжно вздохнула: «Сто лет назад!» Алька кивнула: «Я ведь тогда тебя еще издали заметила. И сразу подумала: „Вот злока какая идет...“ Почему-то я тогда была убеждена, что все красивые – очень злые люди. А ты была самой красивой изо всех. И вдруг ты начала спрашивать, кто меня обидел. Наверное, у меня вид такой был – пришибленный... А это я тебя испугалась».

Геля ласково рассмеялась: «Вот дурочка! Кто тебе внушил такую чушь?»

«Не помню. Мама, наверное... Отец ведь был красивее, чем она... Но ты согласна, что это – чушь? Как и все другие стереотипы. И насчет мужчин тоже».

«Тебе надо основать движение в их защиту, – небрежно посоветовала Геля, ничуть не рассердившись. – Сейчас самое время, а то скоро они совсем выроются... Правда, будь готова к тому, что феминистки забросают тебя помидорами». Алька только рукой махнула: «Не люблю я никаких движений... Я сама по себе».

«Нет, – возражала в таких случаях Геля. – Ты не сама по себе. Ты со мной».

Чтобы не разбудить ее, Геля, не дыша, сползла с дивана и на цыпочках добралась до стула. Алькины бриджи, в которых она всегда расхаживала по мастерской, свесили с сиденья короткие ножки, а красная маечка, сложившись вдоль, пролегла по ним запрещающей сразу все красной полосой. Ее собственные вещи были аккуратно повешены на спинку стула. Геля взяла брюки и вдруг поняла, до чего же ей лень одеваться. Все в ней: и снаружи, и внутри – было не отдохнувшим за ночь, таким же уставшим, как накануне.

Взглянув на часы, Геля упрекнула себя за то, что опять спала чуть больше четырех часов. Недосыпание высушивало ее изнутри глубокими, корявыми ложбинками, и оборотную свою сторону она представляла уродливой, почерневшей, словно кора старого карагача. Но кроме нее самой никто об этом не подозревал...

Заставляя себя двигаться побыстрее, Геля сунула голову в зеленый пуловер, который носила, бросая вызов распространенному среди женщин предубеждению: цвету ее лица ничто не могло повредить. Не сразу угодив в прорезь узкой горловины, на миг она увидела комнату, будто через толщу морской воды, полной водорослей.

«Я – рыбка в аквариуме, – ей даже не захотелось улыбнуться. Зато мысленно прикрикнула на себя. – Давай двигай, квашня такая! На пенсии отоспишься...»

В отличие от большинства людей, легко забывающих пережитые ощущения, равно как радостные, так и тягостные, и потому оказывающихся не готовыми, когда они возникают вновь, Геля отлично помнила, как хандра уже не раз подкарауливала момент ее пробуждения. И было точно так же лень выползти из постели, противно прикасаться к одежде и не хотелось даже думать о неизбежном: надо выйти на улицу, сесть в машину, ехать куда-то по непроснувшемуся городу. И все ради того, чтобы первым делом его жители могли услышать не меняющийся от времени суток голос диджея Гели Козырь: «Наконец-то вы со мной. Доброе утро! Оно – доброе, надо только поверить в это. Все зависит от вас самих».

Никогда, даже в самом начале, она не старалась казаться язвительной и циничной, как некоторые девушки-диджеи. Не считая нужным стыдиться своего пола и без иронии воспринимая слова о лучшей половине человечества, Геля помнила, что именно в этой самой половине считалось привлекательным, и потому, включая микрофон, начинала улыбаться, зная – по голосу это всегда чувствуется. И не позволяла себе недобро подшучивать над эфирными собеседниками, а уж тем более выставять их дураками. У нее вызывали презрение журналисты, стремившиеся залезть на голову своему гостю, рискуя растоптать его, лишь бы хоть чуточку подняться самому.

Выбравшись из зеленого пуловера, она едва не вскрикнула: Митя смотрел на нее, оставаясь в той же позе, в какой спал, только повернув длинную голову. В его глазах не было ни мольбы, ни насмешки. Так рассматривают самого себя на детских фотографиях, заранее принимая то, что это прекрасное, вроде бы родное и одновременно далекое существо уже никогда не сольется с тобой. И нет смысла сердиться на судьбу. Ничего не поделаешь. Иначе и быть не может...

– Потрясающе! Я-то думала, что ты спишь, – шепнула Геля, с тревогой взглянув на Альку. Но та даже не шевельнулась.

– Как можно спать, если солнце поднялось? – так же шепотом спросил он.

– Ты уже в состоянии прикалываться? Иди, закрой за мной дверь, чтоб я не щелкала.

Митя послушно выбрался из-под одеяла, от него повеяло теплом, но Гелю это не взволновало. «Кто бы мог подумать? Словно и не со мной было...» – подумала она, через десяток лет разглядев, как сама подбила его на первый сексуальный эксперимент: «Мы же друзья, хоть не так страшно будет!» Узнав об этом, Алька почему-то расплакалась, хотя вообще-то была не из плаксивых: «Ну зачем ты так с ним? Он тебя по-настоящему любит, он не просто так... Как он теперь будет?»

Геле никак не удавалось понять, о чем так убивается подруга, ведь в ее собственном отношении к Мите ничто не изменилось. Она не демонстрировала того, что стала еще чуть равнодушнее к нему, ведь обещанного романами удовольствия друг детства ей доставить не смог. Это случилось гораздо позднее, и уж конечно, не с ним...

Теперь Геля вспоминала себя восемнадцатилетнюю с недоумением: «Неужели я была такой?» Если б ей до сих пор не было стыдно перед Митей – не за распущенность, конечно, которой Геля никогда в себе не чувствовала, а за жестокость, – то этот давний «эксперимент» можно было бы вспоминать, давясь от смеха: Митьку так трясло, она даже опасалась, вдруг он попадет куда-нибудь не туда...

Но Геля и сейчас не смеялась, вспоминая тот день, а еще точнее, старалась вообще не вспоминать, не желая думать о себе хуже, чем требовалось для того, чтобы набираться уверенности. А она была ей необходима: что это за коммерческий директор радиостанции, если он не кричит во всеуслышание, сияя глазами и щеками: «У нас все отлично! Просто отлично. Мы лучше всех!» Рекламодателям нет дела до того, сколько темных пятен у тебя в душе, если снаружи ты – само Солнце. Такой Геля и старалась казаться...

– Может, кофе выпьешь? – спросил Митя, догнав ее у двери. – У нас есть. Правда, растворимый... Что, у тебя пары минут не найдется?

Она наспех погладила его небритую щеку:

– Для такого кактуса, может, и нашлась бы... А для кофе – нет. Не сердись, я действительно тороплюсь. Иди, досыпай.

– Не хочу, – угрюмо отозвался он.

– Почему это? Солнце же уходит.

– Тебе смешно?

– Конечно, смешно. Все мое сияние искусственного происхождения, так что не очаровывайся. На самом деле я – мрачная туча, просто прикидываться умею.

Митя скептически усмехнулся:

– Ну конечно... И так всю жизнь?

– Девяносто процентов людей именно так и делают. Никто не знает, какие они на самом деле.

Спрятав усмешку, он серьезно пробормотал:

– Ну если они прикидываются лучше, чем есть... Почему бы и нет?

– Вот и я говорю: почему бы и нет?

– Может, мне прикинуться двухметровым красавцем?

– Попробуй, – рассеянно отозвалась Геля уже из-за порога, и только в машине сообразила, что Митя ждал от нее другого ответа.

«Надо бы его чем-нибудь порадовать, – озабоченно подумала она, прислушиваясь к тому, как прогревается мотор. – Повесить в его такси свою фотографию? У меня есть неплохие. Пусть хвастается перед клиентами... Много ли ему надо?»

Двор казался незнакомым оттого, что был пустым и совсем темным. Фонари горели только на улицах, и то через один. Гелю вдруг охватил страх, совсем забытый с тех пор, когда она была совсем маленькой и не дотягивалась до выключателя, а ее то и дело посылали что-нибудь принести из темной комнаты. Тогда она мчалась со всех ног, громко топая, лишь бы хоть чем-то заполнить черный провал, и ждала: вот-вот из какого-нибудь угла протянется мохнатая цепкая рука...

Не сумев побороть желания оглянуться, она посмотрела на Алькины окна и вдруг без всякой связи подумала: может, когда-то давным-давно некий мудрый архитектор спроектировал мастерские для художников под самыми крышами, исходя не из того, что так удобнее другим жильцам («Им-то какая разница?!»), а чтобы сами художники не забывали – они должны быть выше всех остальных.

«Алька выше, – убежденно подумала Геля. – Господи, если б я только умела делать что-нибудь подобное! Мне это не дано, и, тем не менее, мою фамилию знает чуть ли не весь наш городок, кого ни спроси... Алька же творит настоящие чудеса, а про нее еще ни одна паршивая газетенка не написала. О времена! О нравы... Выгоднее болтать всякую чушь, чем делать что-то стоящее...»

Она уже неслась по фиолетовому проспекту, который лишь изредка оживал от вздохов встречных машин. Когда Геля мчалась по городу днем, ее то и дело окатывали приливы гордости: это она через эфир учила женщин-водителей, как правильно вести себя с дорожными инспекторами. Они следовали советам (Геля видела это собственными глазами), и это подтверждало: к ее словам прислушиваются. Она уговаривала себя, что это может значить только одно – она не просто треплется в микрофон, ее жизнь проходит не впустую.

Геля отлично знала, что большинство людей занимается в жизни тем, к чему, в лучшем случае, равнодушны. А уж в глазах обывателей диджей популярного радио – это одна из вершин, на которой удовольствие от работы сливается с финансовым самоуважением. Геля старалась об этом не забывать... И все же ее не оставляло досадное ощущение, что Алька работает для вечности, а ей самой остается только крошечный осколок, именуемый Сегодняшним Днем.

Недовольство собой, от которого никак не удавалось избавиться, опять отозвалось болью в животе, не менее строптивой, чем она сама, и неподатливой. Только на этот раз резь оказалась еще острее и настойчивее, словно оголодавший хищник, который пока не дал себе волю, но уже, не стесняясь, показывает: его терпение на исходе.

«Кто-то жрет меня изнутри!»

У Гели внезапно разжались пальцы, сжимавшие руль. Это напугало ее, она едва удержала всхлип. Никогда Козырь не сомневалась, что она из тех людей, которые собираются перед лицом опасности, и вдруг пальцы сами разжались... Ей захотелось закричать – показалось, будто собственное тело отказывается ее слушаться.

– Ну-ка, прекрати, – жалобно попросила она себя. На приказ уже не хватило сил. – Что за глупости: в бок закололо! Миллионы людей то и дело за бок хватаются, и ничего. Даже если и гастрит... Попью какой-нибудь гадости, и полегчает. Половина знакомых с гастритом... Ой, Алька!

Это вырвалось само собой. Услышав этот почти детский вскрик, Геля отстраненно подумала, что всегда догадывалась об этом – зависнув над пропастью, она будет звать не мать, а свою подругу. С матерью они были дружны, только чем в такую минуту поможет обычный человек? Алька могла помочь... Вот только сейчас ее не было рядом.

«Мне плохо, – Геля начинала паниковать все сильнее, а боль, пользуясь этой слабостью, наступала и душила ее. – Доехать бы...»

И поняла, что думает совсем не о работе: доехать бы до больницы. Как человек, не имевший дела с медициной со времен детских прививок, Геля опасалась, будто над ней посмеются. Что *такая* боль еще не повод бежать к врачу... Откуда ей знать, когда не стыдно это делать?!

Она старательно смаргивала пелену, которую натягивал на ее глаза кто-то заботливый, пытающийся отгородить ее от реальности. В ней Геля не различала сейчас ничего, кроме боли.

«Нет, чтоб на полчаса раньше, – проплыло не совсем в голове, а где-то рядом. – Ребята не дали бы мне...»

Чего – она уже не додумала. Районная маленькая больница, к которой Геля приехала дворами, встретила разрозненными желтыми пятнами. Ангелина подумала: «Окна», и тут же забыла, о чем это она... Больше всего ее как раз то и пугало, как стремительно сумела эта безобидная, осторожная боль добраться до самого мозга и незаметно захватить его целиком. Теперь приходилось напрягаться, чтобы просто составить мысль из нескольких слов.

Остановив машину у самого крыльца, Геля догадалась прихватить сумку, где у нее лежали водительские права и паспорт. «В нем должен быть полис», – она с раздражением подумала, как же это глупо, что даже этого ей не удастся сейчас вспомнить.

Открыв дверцу, Геля стиснула зубы и выставила наружу одну ногу. Потом, убедившись, что тело подчиняется, вытащила и вторую, а следом, не разгибаясь, выползла и сама.

– Это он самый, – шепнула убежденно, глотнув отрезвляющего мороза. – Аппендицит проклятый... Это ерунда. Откусят, и все дела.

И заставила себя думать о том, что следует заплатить как следует, пусть сделают косметический шов, а то изуродуют, как Ирину – их звукооператора. Геле никак не удавалось понять, зачем та всем и каждому демонстрирует широченный шрам. Но допускала: возможно, в этом издевательстве над собой заключается масса удовольствия, понять которое можно лишь испытав...

«Вот тебе и Крещение», – Геля едва усмехнулась про себя, осторожничая и не растрачивая силы по пустякам, хотя от того, как яростно мороз начинал щипать щеки, внутренняя боль стала казаться глуше. Но ей было хорошо известно, что значит создавать видимость, и она опасалась: вдруг новый враг поступает именно таким образом.

Подумав об этом, она тотчас вспомнила, как, прощаясь со слушателями в последний раз, призывала их накануне Крещения простить своих врагов и ни на кого не держать зла.

«Это не в последний раз, – умоляюще обратилась она к кому-то. – Правда ведь, не в последний? Мне, видно, кто-то чего-то не простил...»

Даже не глядя на часы, Геля чувствовала, что время выхода в эфир уже подошло, и на станции сейчас наверняка паника. «А почему телефон молчит? – она тряхнула сумку, забываясь на крыльцо. – Оно специально такое высоченное? Паразиты, лед не могли отдолбить... Почему никто не звонит? Неужели я забыла его у Альки?» Ей представились перепуганные глаза подружки, которая спросонья могла схватить трубку, не сообразив, что звонят не ей. Перепугается до смерти, это уж точно...

Собрав все силы, Геля потянула точно промерзшую насквозь тяжелую дверь и, упершись в нее плечом, протолкалась внутрь. «Свет, как в покойницкой», – сказала она себе, хотя никогда не бывала ни в каких покойничках. Так показалось со страха, который пробрал ее уже до нутра, и от него некуда было деться, кроме как в беспамятство, но как раз этого Ангелина боялась сильнее всего: если она сама не предупредит врачей об аппендиците, они могут решить, будто здесь нечто похуже, и успеют натворить дел до того, как пациентка очнется.

Наугад повернув в пустом коридоре направо, Геля заглянула в первую же незапертую дверь. Похожая на полуночную тень санитарка в мягких тапочках скользила по кабинету, протирая столы и напевая что-то неразборчивое. Только взглянув на нее, Ангелина сразу успокоилась, уловив мерный ритм Вечности в движениях женщины, убирающей свою планету. Несколько секунд она постояла в дверях, молча наблюдая за санитаркой, потом негромко кашлянула и впервые удивилась про себя тому, почему именно этим некрасивым звуком у людей принято обращать на себя внимание.

Девушка быстро повернула голову, продолжая оглаживать тряпкой узкую жердочку подоконника. Ничуть не испугавшись, она спросила:

– Вам приемный покой? Это налево. Вторая дверь.

Геля только кивнула в знак благодарности, а про себя с раздражением подумала: «А почему не первая? Чтоб и в этом подольше помучить?»

Не желая ни у кого просить помощи, она выпрямилась, насколько это было возможно, и пошла в обратную сторону, на ходу пытаясь убедить себя, что боль – это хорошо. Кто-то говорил, будто при перитоните уже не болит... Но ей нестерпимо хотелось заплакать, даже собственные уговоры не помогали.

Возникло ощущение: коридор так темен и пуст оттого, что это не просто часть больничного корпуса, а уже переход туда, куда ей вовсе не хотелось уходить. Геля брела по нему в одиночестве, как всегда и бывает, когда человек преодолевает по-настоящему важный для себя отрезок пути. Только изредка она еле слышно нашептывала: «Мамочка... Алька...» Казалось, эти двое незримо поддерживают ее с обеих сторон.

Если б Геле удалось вдуматься, то она поняла бы, что сейчас ей так плохо как раз от того, чем она всегда гордилась: от своей самостоятельности и привычки справляться со всем в одиночку. Все награды за это, которые Геля столько лет и с таким удовольствием навешивала себе на шею, вдруг обросли злобными шипами, и металлический ошейник сдавил ее горло так – взвыть захотелось от ужаса и боли.

Но настоящий кошмар был в том, что Геля и сейчас не могла позволить себе этого. Ей было плохо как никогда, а она продолжала помнить: сейчас она назовет свою фамилию, каждый день звучавшую в большей части домов этого города. И все медики сразу поймут, с кем имеют дело...

Однако на сестру приемного отделения фамилия Козырь не произвела никакого впечатления. Ее непроснувшееся лицо прятало в мягких складках и глаза, и рот. У Гели сразу возникло ощущение, что она общается с чревовещателем. Казалось, и внутри у этой женщины все точно так же слежалось сонными, зыбкими волнами, и лучше ее не трогать, чтобы вся она прямо здесь не рассыпалась.

– Когда врач придет? – нервно спросила Геля, уже устав перечислять свои данные.

Теперь они оказались не более касающимися ее, чем любые другие. С ней напрямую была связана только боль, и потому Геля не могла относиться к ней равнодушно. Ей не терпелось выяснить все о ее природе, как храброй задним числом жертве преступления не терпится провести опознание подозреваемого.

– Уже идет, – даже не шевельнув уникально тонкими губами, ответила медсестра.

«Как это у нее получается?» – заинтересовалась Геля, привыкшая к отчетливой артикуляции.

Ей до того захотелось попробовать самой проделать такую штуку, что она даже ненадолго отвлеклась от боли, и, когда вошел врач, спохватилась со стыдом, будто расхохоталась на похоронах.

Появившийся хирург вызвал у нее двоякое чувство. То, что он оказался таким же невзрачным и худосочным, как Митя, с одной стороны, даже обрадовало Гелю: возникло ощущение, будто рядом друг. Но вместе с тем, она отлично знала, что Митя не был искусным водителем и ни в чем другом тоже до сих пор не проявил себя мастером. Значит, и похожий на него врач тоже мог оказаться специалистом так себе...

Геля постаралась наспех вспомнить кого-нибудь еще из людей этого типа, чтобы успокоить себя. В утешение ей пришел на ум любимый Тим Рот, которого уж никак нельзя было обвинить в бездарности и дилетантизме. Она почувствовала, как ей полегчало...

Стараясь говорить уверенно, без паники, на ходу припоминая медицинские термины, Геля отвечала на сухие вопросы о характере боли, о частоте и продолжительности приступов. Этот строгий разговор по существу заставил ее собраться, и у Гели даже возникло ощущение, будто она сама уже участвует в собственной операции и важно не допустить оплошности.

– УЗИ починили? – спросил врач, не поднимая головы.

Геля успела догадаться, что этот вопрос адресован уже не ей, и промолчала. Не шевельнув ни единой мышцей лица, сестра ответила:

– Пока нет. К вечеру, может, сделают. Сергеич еще не вышел, а из областной мастера после обеда обещали.

– Это поздно, – спокойно отозвался врач, и Геля похолодела.

– Совсем поздно? – голос у нее впервые за долгое время стал таким, как в детстве – тонким и плаксивым.

Тогда отец дразнил ее: «Телега ты несмазанная! Скрипишь на всю округу...» Теперь он сам все больше скрипел, измученный артритом и вынужденным бездельем, которое вытягивало из него душу. А он, в свою очередь, делал то же самое со своей семьей.

Будто только услышав ее, хирург поднял удивленное лицо:

– Вас нужно оперировать прямо сейчас, если, говорите, боли начались еще с вечера.

– Они и раньше бывали... Правда, потом проходило.

– Это хуже, – задумчиво сказал он, перепугав Гелю еще больше.

Она хотела было спросить: «Почему хуже?», но сообразила, что совсем не хочет этого знать. Поглядев на ее помертвевшее лицо, врач серьезно спросил:

– Вы оставили сестре телефон для связи?

– Да, мамин. Только не звоните ей! – спохватилась Геля и назвала свой собственный номер. – Лучше на этот... Подруге. А то мама запаникует.

– У вас есть дети? – неожиданно спросил он.

Геля так растерялась, что даже не сразу заметила, что оттянула пальцем манжет пуловера до того, что тот стал в два раза шире другого.

– Нет... Нет детей. Я... Я еще не замужем, – ей впервые стало неловко признаться в этом, только она так и не успела понять почему.

Врач так же зловеще произнес:

– Это хорошо.

Нервно хмыкнув, Геля отрывисто спросила:

– А вы резать меня собрались? Потрясающе! У вас тут больница, как в фильме ужасов?

– Гораздо хуже, – не моргнув глазом, ответил он. – Там хоть оборудование приличное, а у нас ужасы наяву, если угодно.

– Ничуть не угодно, – огрызнулась она, внезапно расхрабившись.

Высушенные бессонной ночью глаза доктора неожиданно усмехнулись:

– Да вы не бойтесь, я не собираюсь вас резать прямо сейчас. Я еще и не осмотрел...

– Но вы особенно не затягивайте, – предупредила Геля, обнаружив, что боль опять злобно закопошилась внутри. – Я слышала, что он может лопнуть.

– Лопнуть может все что угодно, – философски заметил врач, переведя взгляд за окно.

Геля попыталась рассмеяться и не смогла.

* * *

– Вы ошиблись... Этого не может быть... Как это может быть?

Аля твердила одно и то же, не задумываясь над тем, что эти слова уже звучали миллион раз до нее и будут повторяться снова и снова до тех пор, пока люди не окажутся сильнее болезней. И не видела того, что со стороны выглядит сейчас внезапно осиротевшим ребенком, со страха переминающимся с ноги на ногу и безнаказанно кусающим ногти, ведь больше никому шлепнуть по руке.

– Разве это бывает вот так? Ведь это же развивается годами...

– Она сказала, что никогда не обследовалась, – устало напомнил врач – уже не тот, что принимал Гелю. У этого глаза были такой весенней синевы, что Алька подумала: «Не он должен сообщать такие вещи...»

Она растерянно подтвердила:

– Не обследовалась... А зачем? Геля никогда не жаловалась на печень. Откуда мог взяться рак?

Последнее слово Аля сглотнула, ужаснувшись мысли: если она повторит его вслух, то чудовищная неправда, которую зачем-то пытались подsunуть врачи, будет как бы принята ею. Но страшнее всего оказалось то, что вдруг стало ясно: она уже приняла это. Почему, в какой момент – этого Алька не уловила...

– И что же теперь делать? – спросила она, разглядывая перламутровую пуговицу, в белых переливах которой и для нее мог блеснуть лучик. – Сколько... Сколько...

– Не больше месяца, – он смотрел поверх ее головы, хотя Аля и не пыталась увернуться.

Наоборот, ей казалось, будто на поверхности его синего взгляда ей было бы не так страшно. Но он все отводил глаза – врач, так и не научившийся смотреть в пустые глазницы под холщовым балахоном. Альке пришлось встать на цыпочки, чтобы поймать ускользающую синеву.

– Вы преувеличиваете, да? Как это – месяц? Неужели человек может умереть так быстро?

Он не ответил, пропустив через себя хор голосов, которые Але можно было бы слушать до конца собственной жизни – так много их было. И каждый голос подтверждал: человек может умереть быстрее, чем родиться, если вести отсчет с той минуты, когда он сам или кто-то за него уже понял неизбежность События.

Аля услышала этот хор и отступила. Только спросила:

– Вы ведь не будете держать ее здесь этот месяц?

– Шутите? – устало спросил врач. – У нас некому ухаживать и за теми, кого можно вылечить. Да и питание больничное, сами понимаете...

– Когда я могу ее увезти?

– Хоть завтра.

Было заметно, как неприятно ему самому говорить все это, и от усилия, которое доктор совершал над собой, у него начал подрагивать подбородок. «Как у Митьки, когда он разобидится, – машинально отметила Аля, и сама чуть не сморщилась. – Как же я скажу ему? Как он это переживет?!»

Она подумала об этом уже без ужаса, который сначала скрутил ее ледяным жгутом, а потом нехотя сжался и нетающим холодом застыл где-то в животе. Там, где у Гели поселился прожорливый зверь.

Врач вдруг спросил о том, что не могло его заинтересовать:

– А кто будет за ней ухаживать?

Мгновенно забыв о брате, Алька уставилась на доктора с таким изумлением, будто он все знал о них с Гелей, но все равно позволял себе сомневаться:

– Я, конечно!

– Вы умеете ставить уколы? – терпеливо уточнил он.

– А надо? – растерялась Аля. – Ну да, конечно... Я... Я научусь. Вообще-то, у меня твердая рука.

Не разделив ее уверенности, врач скептически дернул красивым ртом:

– А деньги? Лекарства нынче, сами знаете...

– У нее есть деньги, – вспомнила Алька. – Она собиралась купить квартиру...

Теперь она не чувствовала даже отчаяния. Если б Аля сама не слышала своего голоса, то решила бы, что все в ней тоже омертвело. К ее облегчению, врач не выдал в ответ трагической пошлости, вроде: «Вот тебе и квартира – в ином мире...» Вместо этого он поинтересовался вполне деловым тоном:

– Тогда, может, есть смысл подумать о хосписе?

У Альки отнялся язык. Прикусив его, чтобы почувствовать, она еле слышно сказала:

– Вы с ума сошли...

– Да не геройствуйте вы! – сердито отозвался он. – Вы ведь понятия не имеете, что значит ухаживать за онкологическими больными. Приступ может начаться в любой момент... Вы сможете находиться возле нее днем и ночью?

– Да. Смогу.

Он неожиданно сдался:

– Ну хорошо, делайте, как знаете... Но имейте в виду, что в нашем городе есть хоспис. Очень неплохой, кстати. У них имеется все необходимое, так что... Ваше дело, конечно.

– Спасибо, – через силу выдавила Аля.

Она понимала, сказать это было необходимо, хотя такого рода забота все еще казалась ей оскорбительной. Правда, на какой-то миг, абстрагировавшись от себя и Гели, признала: для большинства людей в подобном положении хоспис – это благословенный выход. Алька даже подумала, что сама она, без сомнения, предпочла бы оказаться там, чем свалить на Митю или на маму такой груз.

– Я зайду к ней?

Облегчение от того, что разговор, наконец, закончен, сделало взгляд доктора из синего светло-голубым. Теперь, когда все выяснилось, он мог смотреть ей в глаза, и Аля, наконец, разглядела, как много у него морщин. Совсем не веселых.

«Как у Линнея, – у нее жалобно дрогнуло сердце. – Он тоже доктор... Когда я теперь увижу его?»

До сих пор мысль о нем не приходила ей в голову. Алька вся, целиком, была заполнена Гелей, ее болью, и только сейчас поняла, что именно это испытание станет для нее самым сложным – невозможность увидеть Линнея.

«Я должна быть при ней днем и ночью, – припомнила она и постаралась собрать все свое мужество. – Ничего. В конце концов, Геля реальный человек, а Линней – только моя фантазия».

Ей не хотелось сейчас вспоминать собственные слова о том, что места, которые появляются на ее холстах, существуют где-то на самом деле. Просто ей разрешено проникать туда... Из этого вполне естественно вытекало: и Линней может где-то существовать, не случайно же во время ночных путешествий она видит его таким живым. С похожими морщинками у глаз и особенным голосом...

Отстраненно простившись с доктором, Аля подошла к указанной им палате и только у двери спохватилась, что не спросила главное: знает ли Геля? Она быстро оглянулась, но врача уже не было видно, впускать же в душу кого-нибудь еще у Альки уже не было сил. Неслышно вздохнув, она растянула в улыбке губы – не особенно широко, чтоб это не резало глаз нарочитостью, и приоткрыла дверь.

В палате было четыре кровати, но Геля лежала на первой от двери, и потому на остальных Аля уже и не взглянула. Она тихонько приблизилась, хотя Геля не спала, и, пододвинув стул, села рядом с ней. Тот момент, которого Алька боялась больше всего – первый взгляд глаза в глаза – уже миновал, и теперь она смогла вздохнуть поглубже. Они смотрели друг на друга тысячи раз, но теперь это было совсем иначе. Обе понимали это и старались помочь одна другой.

Геля негромко сказала:

– Мне уже все сообщили, так что не ломай комедию. Можешь не улыбаться, это ни к чему. У меня было два часа, чтобы с этим сжиться. Вот с кем я теперь обречена на совместную жизнь...

Она зло усмехнулась:

– Анекдот, правда? Хотели отрезать аппендикс, вспороли мне брюхо, а там – на тебе! Всю печенку сожрал рак... Вот, оказывается, от чего я сбросила восемь килограммов. А думала: работа изматывает. Еще радовалась, что на диете сидеть не приходится...

– И у тебя ничего не болело? – осторожно спросила Аля, не представляя, как найти верный тон, не похожий ни на поскуливание, ни на ржанье.

– Да болело! Но ты же знаешь: если женщина просыпается утром, и у нее ничего не болит, значит, она умерла. Я еще жива, как видишь...

– Конечно.

– Они говорят: месяц остался, – у Гели жалобно сорвался голос. – Вот чего я еще не могу понять... Неужели месяц? Я всегда считала, что врачи о таком вообще не говорят.

Она крепко стиснула пальцами край пододеяльника. «Ей хочется заплакать, – догадалась Аля, – но здесь слишком много народа».

Ни на кого не глядя, она перетасила стул на другую сторону и села так, чтобы закрыть собой Гелю. У той сейчас же перекошилось лицо, будто она только этого и ждала, но не смела попросить. Закинув руку, Геля прижала ее к глазам, выставив острый, гладкий локоть.

«А ведь она действительно сильно похудела... Как же я ничего не заметила?» – Але хотелось в отместку куснуть себя до крови, но она понимала: это выглядело бы дико.

Сгорбившись, она молча сидела рядом, совершенно не зная, что ей делать и о чем говорить. Геля сама прошептала, срываясь на каждом слове:

– Ты не бери в голову... Что тут скажешь? Я и сама не знала бы, что сказать... А ведь это моя чертова профессия! Просто посиди со мной. Мне легче, когда ты тут.

– Завтра мне разрешили тебя... увезти, – Алька едва не сказала «забрать», но это слово было таким мертвым – она сама ужаснулась ему.

Геля спохватилась:

– Маме не говори! – она ладонью вытерла глаза. – Пусть хоть этот месяц поживет спокойно. Ей потом хватит... Отца вынести бы с его артритом.

– Она же будет тебя искать...

– Я позвоню, – с обычной находчивостью отозвалась Геля. – Скажу, что улетаю на Канары. Горящая путевка. Она знает, что у нас набирали группу радиослушателей, которые... которые... выиграла...

У нее опять затряслись мокрые губы, всегда такие яркие, не знающие помады, а сейчас – синеватые. Не выдержав этого, Аля взяла ее руку и прижала к щеке.

– И знаешь что, – слегка успокоившись, снова заговорила Геля, – Митьке тоже лучше ничего не знать. Давай скажем ему, что операция была тяжелой... Что этот проклятый аппендикс лопнул...

– Как раз аппендикс ни в чем не виноват, – пробормотала Аля.

– Да! – она засмеялась, опять растирая слезы. – Вот уж точно... Договорились? Я и так Митьку измучила, я же понимаю. Хотя, что я могла поделать?

– Ничего. Он тоже это понимает. Он же видит, где ты, а где он, – Аля указала сперва на потолок, потом на пол.

Геля мрачно подтвердила:

– Именно там я скоро и буду.

– Ну я же не об этом! Ты звонила на радио?

– В прямой эфир... Передала привет своей печенке и заказала песенку... За меня позвонили. Конечно, в подробности не посвящали. Хотя от них-то скрывать незачем. Они, конечно, ужаснутся, но убиваться не будут, уж поверь. У нас хорошие ребята, но это ведь не друзья. Только вы с Митькой... А если уж совсем честно, только ты. Знаешь такую песенку? Красивая песенка... Тебе кто-нибудь говорил когда-нибудь: «Только ты...»?

Але и вспоминать не требовалось:

– Никто.

– И мне никто, – бесстрастно заметила Геля. – Я всегда думала, что это впереди. Что разумнее строить свою жизнь по западному образцу: сперва карьеру сделать, квартиру купить,

а потом уже семьей обзаводиться. А вот, оказывается, можно и опоздать... Жизнь-то уже и кончилась...

– Еще нет.

– Да, конечно, – она горько усмехнулась, – лежа на диване в твоей каморке, я успею пережить единственную великую любовь... Что ты так смотришь?

Але захотелось вскочить и пробежаться по палате – так мощно взорвалась внутри нее подспудно вызревшая идея.

– Ты что это? – с подозрением спросила Геля. – У тебя глаза какие-то шальные стали.

«Но ведь это может быть только Линней, – в тот же момент поняла Алька. – Никого лучше и быть не может... Как же так... Линней?!»

Ей стало так больно, что захотелось тоже забраться в постель и свернуться клубочком, бормоча только одно: «Нет-нет-нет». Она пыталась уговорить себя: «Не торопись. Нужно подумать... Может, и не надо этого делать».

Но она уже знала, что надо. И торопиться тоже надо. Ведь месяц – это всего-навсего тридцать дней. А может, и того меньше... Для единственной великой любви – непозволительно короткий срок.

– Ты сама-то не заболела? – у Гели встревоженно изогнулись черные брови, очень четкие в изломе.

Многим это преломление казалось искусственным, но Алька помнила – так было и в детстве. Еще в их первую встречу эти острые уголки показались ей колкими и слегка напугали, но с тех пор у нее было время убедиться в их безобидности.

– Не заболела, – ответила она, думая о своем, и не услышала, как непривычно сухо прозвучал голос.

У Гели сразу вытянулось лицо, а брови сошлись распахнутыми для устрашения крыльями.

– В чем дело? – спросила она таким тоном, что Аля, очнувшись, невольно подумала: «Вот так разговаривает коммерческий директор...»

– Я думаю, где взять машину, – неудачно солгала она, упустив из вида брата-таксиста, и сразу же, поняв это, смутилась.

– Не об этом ты думаешь...

Тогда Аля сказала другое:

– Я все еще не могу поверить.

Сразу обессилив, Геля с трудом повернула голову к двери, словно тоже до сих пор ждала, что зайдет врач и воскликнет извиняющимся тоном: «Девчонки, мы ошиблись! То, что у тебя, это не смертельно!»

– Придется поверить, – тускло отозвалась она. – Зачем себя обнадеживать? Если б был хоть какой-нибудь шанс, они, наверное, сказали бы...

– Наверное.

– Вообще-то обычно всем наплевать, но это ведь не тот случай... Откуда он взялся? Я ведь даже не курила... Все опасалась раскашляться в эфире. Вот тебе и здоровый образ жизни!

Аля промолчала, думая о том, что ей предстоит узнать все о боли и смерти не из книги и не с чьих-то слов, а увидеть своими глазами. В этом мире и за его пределами было много такого, что ей хотелось увидеть, но только не это. Она безжалостно напомнила себе: «Но ты можешь увести ее от боли. Туда увести... Разве это не стоит того, чтобы кое-что принести в жертву?» Аля и сама знала, что стоит, ей незачем было мучить себя вопросами. Но ее подавляло, почему так легко обнаружив для подруги укрытие от боли, она продолжает сомневаться и отмалчиваться? Всегда, кажется, с первого дня, Алька была уверена, что способна ради Гели на любую жертву. Она и сейчас твердила про себя: «На любую. Да, так и есть. Но только не Линней...»

– Я схожу куплю тебе журналов.

Она не стремилась сбежать, ей просто было необходимо остаться одной, чтобы внутри нее снова установилось равновесие. Не отдавая себе отчета, Аля никогда не чуралась собственного общества, наедине с собой не ощущая пустоты. Другие люди, даже самые близкие, самые любимые, так сильно действовали на нее эмоционально, что нарушался естественный баланс. Поэтому она не могла работать в чем-либо присутствии и не использовала натурщиков.

– Сходи, – отозвалась Геля покладисто, и Альке еще больше стало не по себе. Было слишком непривычно видеть ее послушной...

Она беспомощно огляделась:

– Может, еще что-нибудь? Что тебе можно? Фрукты? Кефир?

– А с чего бы мне что-нибудь было нельзя? – раздраженно прошипела Геля, на секунду став собой прежней. – Мне теперь все можно. Неужели я еще буду себе отказывать? Вот выберусь отсюда и первым делом шампанского напьюсь!

Стерпев это, Алька охотно пообещала:

– Вместе напьемся.

– Ладно, – она немного остыла и улыбнулась. – Ты еще вернешься? Тут жутко.

– А куда же я денусь? Если хочешь, я и на ночь останусь.

– Кто тебя оставит! Завтра приезжай за мной прямо с утра...

– Да я же вернусь через десять минут, что ты уже про завтра?

Геля посмотрела на нее, на миг поймав глазами солнечный свет, от которого заволновался спертый воздух палаты. Вокруг маленьких зрачков совсем как раньше вспыхнули искры теплой сосновой смолы.

– На улице мороз, да? Солнце такое... Надо уже подумать про завтра, Алька. И нечего этого пугаться. Но это мы потом обсудим. Дома.

Она назвала ее мастерскую «домом», и от этого у Альки что-то оторвалось от сердца, расклеилось по крови. Едва удержавшись, чтобы при всех не сжаться в комок, она быстро спросила:

– А хочешь, я увезу тебя прямо сейчас?

– Увези! – обрадовалась Геля и даже заерзала на подушке. – Только как? Мне же еще нельзя вставать из-за этого шва. Разойдется – лишняя морока будет...

– Я позвоню Митьке, он перенесет тебя до машины.

Геля посмотрела на нее с сомнением:

– Он? Да он меня не поднимет!

«Линней смог бы», – Але стало еще тягостнее от этой мысли, будто лишь сейчас она обнаружила, что на всем свете только он ее подруге под стать.

– Митька жилистый, – пробормотала она. – В нем силы куда больше, чем ты думаешь.

– Может быть, – не сразу отозвалась Геля. – А врачи отпустят?

– Мы расписку напишем.

Слегка ожившие от радости губы насмешливо дрогнули:

– Мы! Потрясающе! Ты решила меня удочерить? Я еще в состоянии накарябать пару строк.

– Вот и пиши пока, – распорядилась Аля, впервые почувствовав себя вправе принять роль ведущей.

Оглянувшись на соседей по палате, которые тихонько переговаривались между собой, она спросила:

– Извините, ни у кого не найдется листка с ручкой?

– Возьми в тумбочке, – безразлично отозвалась одна из женщин, даже не посмотрев на Альку, словно они уже существовали в разных плоскостях и не было смысла наводить мосты.

Наклонившись к Геле, она едва слышно спросила:

– А у них... то же самое?

– Понятия не имею... Но это же хирургия, а не онкология, – и понятливо добавила: – Больные всегда чувствуют себя, как в стеклянном боксе.

У Али едва не вырвалось: «Ты тоже?» Но это и без пояснений было очевидно, раз Геля сказала об этом так уверенно, не добавив даже «наверное». Альке оставалось надеяться на то, что она будет допущена Гелей в закрытый бокс в числе первых посетителей.

– Пойду позвоню Мите, – сказала она, боком сползая со стула. – Закажу его машину и подожду у входа. Ты тут не бузи без меня.

– Ладно, – согласилась Геля, опять поразив незнакомой кротостью. – Только ты скажи, что заказ срочный. Пусть побыстрее. И... ты помнишь? Ничего ему не рассказывай! И еще... ты скажи врачу... этому, синеглазому, что никого не нужно ко мне гонять. Ладно? Какой смысл? Пусть выпишут что надо, и все... На этом и распрощаемся. А что надо? Ивану Ильичу морфин кололи, это я помню. А сейчас? Может, то же, что во времена Толстого? Ну неважно... Ты скажи, чтоб не ходили ко мне. Я никого не хочу видеть. Кроме вас с Митькой...

Кивнув, Аля сбежала в вестибюль, морозно потрескивающий дверями, и заняла очередь к бесплатному телефону. «Хоть здесь оставили», – подумала она с благодарностью неизвестно кому, вспомнив захватившие весь город таксофоны. Потом поругала себя за то, что так и оставила в мастерской мобильник Гели (своего у нее не было), а сейчас он пригодился бы. Но когда позвонили из больницы, Аля сначала вообще не решалась взять трубку, а потом выронила ее и помчалась к Геле, даже не оставив брату записки.

В тот момент Алька о нем и не вспомнила, а теперь растерянно думала: «Как же – не сказать Митьке? Он ведь должен знать, что это последние дни... Насмотреться на нее. Надышаться. Наговориться. С чем же он останется, если не успеет этого?!»

Очередь продвигалась медленно, каждый из звонивших испытывал непонятную Але потребность обстоятельно описать ход лечения и перечислить процедуры, которые принимает, и назвать лекарства. Краем уха выслушивая однообразные больничные исповеди, Алька с отчаянием думала, что даже заболевший человек не торопится жить, если никто четко не ограничил срок жизни. Людям нравится созерцать, как дни стекают между пальцами, сливаясь в тот самый поток, в который не войдешь дважды. Все знают эту истину, но почему-то не пугаются ее. И только единицы бросаются вслед за стремительным течением, пытаясь обогнать, или хотя бы сравняться в скорости, ведь эта река иссякает быстрее всех остальных.

«О чем он пожалел бы, вспомнив вчерашний день, если б сегодня ему поставили такой диагноз, как у Гели? – пыталась угадать Аля, не замечая того, что слишком откровенно разглядывает старичка, то и дело поддергивающего пижамные штаны. – О чем я сама пожалела бы? Я знаю... О господи, как страшно даже думать об этом! Я пожалела бы... Я сейчас жалею о том, как мало времени провела вчера с Линнеем. Я еще не знала, что это в последний раз... Стоп. Значит, я уже все решила? А что тут решать? По-другому и быть не может...»

Ее сердце сбивчиво отстукивало два такта – Лин-ней... Лин-ней... Альке то и дело казалось: стоит ей определенно сказать себе: да, я решилась! – и это двусложное биение тотчас затихнет. Совсем. Как, бывает, умирает в утробе нежеланный ребенок, чувствуя, что душою мать уже отказалась от него.

Альке внезапно вспомнилось, как они лепили пельмени к двадцатилетию Гели. Полуодетая именинница время от времени промелькивала на кухне, одаряя добровольных рабынь счастливой улыбкой, и никто из подруг даже не думал роптать. Тогда-то мать Гели и шепнула Альке с растроганностью, которая теперь казалась чудовищной: «Какая красавица выросла, а? Веришь, а ведь я ее не хотела... Чего только не перепробовала, чтобы вытравить. Даже свечку в церкви ставила, чтоб Бог прибрал, пока не родилась. Тайком в церковь ходила, тогда ж это не одобрялось...»

«Почему?» – обомлела Алька, забыв зацепить край пельменя.

«Так ведь социализм был...»

«Да нет! Почему вы ее так не хотели?»

Дряблые складочки возле губ напряглись и расплзлись в смущенной улыбке: «Да я больше не ее, а замуж не хотела. Парень-то у меня другой был, я его с армии ждала. А этот так... Случайно. Черт попутал! Но ничего. Прожили жизнь, и слава богу!»

С трудом освоившись с тем, что мир может измениться так легко, по-житейски, Аля со страхом спросила: «А Геля об этом знает?» Ее мать не сразу и вспомнила: «Да вроде я не говорила... Неловко как-то!» – «И не говорите!» Та удивилась: «Думаешь, обидится? Да ну... Это ж и не Геля тогда еще была, а так... червячок какой-то...»

Альке тогда хотелось сказать так много – она потерялась в гневном потоке взявшихся ниоткуда слов. Хотелось бросить их скопом в лицо женщине, показавшейся ей чудовищем, но она лишь тоскливо повторила: «Не говорите...»

Добравшись, наконец, до трубки, она заказала Митину машину и отошла к стеклянным дверям. Здесь оказалось еще холоднее, чем у телефона, зато можно было повернуться ко всем спиной, не опасаясь, что это будет выглядеть слишком демонстративно. Алька обхватила плечи, чтобы совсем не замерзнуть, и стала смотреть на дорогу, будто от этого брат мог приехать быстрее.

«Если б он знал, кто его зовет, то примчался бы, сшибая светофоры», – подумала она о Мите и, не заметив того, улыбнулась.

Они были близнецами, и он даже родился чуть раньше, но Аля всегда чувствовала себя старшей. Может, потому что с детства умела воспринимать весь мир, как радость, подаренную нам на короткое время. Никто ее этому не учил, ведь отец ушел от них, когда Алька была еще совсем девочкой, а мать все годы до второго брака, а после него с удвоенной силой, проклинала и всех мужчин, и «разлучниц», и землю, по которой они ходят. В этом Митя был больше похож на нее, но он злился на жизнь за свой нос, который действительно непонятно откуда взялся: ни у кого в родне такого не было. Этот нос загоразживал от него всю красоту мира, с которым он то и дело вступал в бой по разным пустякам. И, конечно, всегда проигрывал...

Ей вспомнилось, как три года подряд Митя отправлялся летом в Москву поступать в МГИМО, потому что на меньшее был не согласен. Всем, до последнего соседского мальчишки, было ясно: просочиться в этот вуз парню из Сибири, да еще и с «четверками» в аттестате, невозможно. Однако Митя ничего не хотел слышать. Аля догадывалась – он бьется головой о стену только ради Гели, и молилась, чтоб у него все получилось, хотя и не верила в это.

Величественная вершина осталась неприступна, и Митя вернулся домой в третий раз, перестав верить в себя окончательно. В армию его не взяли из-за плоскостопия, и это тоже казалось ему унижительным, хотя любой на Митином месте прыгал бы от счастья. Алька пыталась доказать ему это, но брат только сердито шурился и твердил: «Тебе бы так... Вот тебе бы так...»

Но Митя вовсе не был злобным карликом, а улыбка у него была застенчивой, как у приютского мальчишки, которого впервые погладили по голове. Аля подозревала: если б Митя, наконец, нашел то единственное, что, по его же мнению, оправдывало бы его существование, наверняка вывернулся бы наизнанку, лишь бы оправдать свое неведомое предназначение.

Ей вдруг пришла в голову на первый взгляд дикая, но в глубине своей правильная мысль: если б Геля заранее знала, что ее ждет, Алька уговорила бы ее родить от Мити. Тогда он разбудил бы наконец свои дремлющие жизненные силы и вырастил ребенка в любви и достатке. Ради самого себя ему лень было напрягаться, Альке же хватало одной любви, никакой достаток не был ей нужен.

Эта фантазия не показалась ей жестокой по отношению к Геле, ведь в этом случае после нее остался бы хоть маленький след. И стерег бы его верный человек. Для всех троих трагедия заключалась как раз в том, чего не желали замечать люди, пропускающие время между растопыренными пальцами: уже не успеть...

«Даже если б ребенок мог появиться за пару недель, и то поздно, – думала Алька, уже готовая расплакаться. – Сейчас он родился бы больным...»

Когда к крыльцу подошла апельсинового цвета Митина машина с черными брешами цифр на боку, Аля выскочила на мороз, не боясь простудиться, и закричала:

– Митя! Митька, скорее!

Он услышал ее и, не поверив своим глазам, перегнулся к противоположному стеклу. Его круглые глаза стали еще больше, а губы шевельнулись. Еще не выйдя из машины, он уже что-то спрашивал. Потом все же догадался выбраться наружу и побежал к сестре, даже не заперев дверцу.

– Ты что тут делаешь?!

Он затолкал ее назад в вестибюль и обеими руками вцепился в Алькины плечи:

– Ну?!

– Геля здесь, – ответила она уже спокойно, ругая себя за то, что, забывшись, напугала брата. – Да ничего страшного... Аппендикс удалили.

– А, я же говорил! – он торжествующе разулыбался. – А вы не верили, что это аппендицит. Так она теперь заштопанная? Может, будет поменьше задаваться?

Аля отвела глаза: «Бедный ты мой...» И засмеялась:

– Может быть.

Ей бы ляпнуть какую-нибудь пошлость, вроде: «Товар с брачком», чтобы Митя окончательно успокоился, ведь он лучше всех знал, что Аля не станет смеяться над настоящей бедой. И она пыталась себя заставить, вот только язык ни в какую не желал ее слушаться.

Но Митя и так не выглядел встревоженным, ведь он не мог припомнить случая, когда сестра его обманывала, и принял ее слова на веру... Исподволь разглядывая его смеющееся лицо и перебрасываясь обычными фразами, Аля думала: «Неужели ему никогда не приходило в голову, что ее так же легко потерять, как и любого другого человека? Потерять, даже не получив... Неужели я так же потеряю Линнея? Господи, ну почему я такая?! Почему снова думаю о нем, когда Геля... Геля...»

– Эй, что случилось? – Митя пристально взгляделся в ее лицо. – Что-то не так? Ты мне все сказала? Алька! Я же все равно узнаю!

Она с трудом выдавила очередную ложь:

– У нее был перитонит. Операция очень тяжелая... Долго делали. А она домой просится. К нам...

– К нам?! – он так и просиял. – Правда? Так пошли за ней! Это здорово. Ей, наверное, отлежаться надо?

– Надо. С месяц.

– Месяц? Вот здорово!

Чтобы у него не возникало больше вопросов, Аля пояснила:

– Маму она не хочет обременять, а я целый день буду рядом.

Митя с готовностью вызвался:

– Я могу взять за свой счет.

– Нет, не надо, – испуганно вскинулась она. – Геле же отдыхать нужно будет! А ты разве дашь...

У них и так оставалось слишком мало времени для того, что задумала Алька. Теперь присутствие брата могло помешать еще больше, чем когда она сама отправлялась к Линнею.

Внутри нее все болезненно сжалось, едва она произнесла его имя. Она поднималась рядом с братом на второй этаж, на ходу объясняя, что Геле еще нельзя вставать, и нужно будет ее каким-то образом спустить вниз, а сама в каждой тени видела осунувшееся лицо Линнея. То лицо, на которое Аля могла бы, не отрываясь, смотреть всю жизнь и молиться, как на образ... Лицо, проступавшее даже поверх правильных черт Гели...

«Разве я смогу от него отказаться?!» – Альке хотелось закричать об этом так, чтобы Геля услышала и сделала бы это прежде нее. Но она знала, что не имеет на это права. Это был ее замысел, о котором Геля даже не подозревала, и Але в одиночку предстояло пережить последствия.

– Куда в верхней одежде? – крикнул им вслед резкий женский голос, но Митя даже не обернулся, только на ходу стянул куртку.

– Митька, а ты потолстел, – вдруг обнаружила Аля. – Нет, не потолстел... Поздоровел как-то!

«Вчера я не могла этого увидеть...»

– Я подкачался, – смущенно признался он. – У нас там есть небольшой зальчик. Я решил попробовать.

Алька с уважением тронула его руку возле плеча:

– Помогло. Действительно, заметно!

Он повел головой, как одноглазая птица:

– Может, она тоже заметит? Хотя утром она видела меня и ничего не сказала.

– Конечно, заметит! Утром она просто спросонья была, – заверила Алька, не покрывив душой, потому что сегодняшняя Геля действительно не могла не заметить.

«Горе открывает нам глаза, – обнаружила она с обидой. – Почему так? Почему человек видит лучше, только оглядываясь назад? Она ведь уже не с нами... Мы уже ее прожитая жизнь. Митька – ее несостоявшаяся жизнь».

– Что-то ты мне не нравишься, – с подозрением пробормотал он, заглядывая сестре в лицо. – Какая-то ты потухшая...

Аля опять попыталась оправдаться:

– Думаешь, я не расстроилась за нее? Она ведь намучилась. А мы даже не знали.

– Они могли бы позвонить и до операции!

– Она забыла у нас мобильник... А это же была срочная операция. Перитонит, он ведь не ждет... Ей было больно.

Он вяло согласился:

– Ну да, я понимаю...

«Что-то почуял, – решила она со страхом. – Нужно получше следить за своей физиономией».

Заглянув первой, Аля разрешила ему пройти в палату, где сразу воцарилась испуганная тишина. Никогда еще Митино появление не вызывало такого эффекта, отметила Алька, покосившись на него. Он не заметил ее взгляда, оцепеневший то ли от присутствия Гели, к которому никак не мог привыкнуть столько лет, то ли от вызванной им самой тишины.

Беспечный голос Ангелины прошелся по ней и легко раскроил надвое:

– А вот и мое любимое такси! Наконец-то... Я уж решила, что вы про меня забыли.

* * *

Она помнила, что перед этим смотрела какой-то фильм... Митька поставил, не сказав названия, а начало Геля пропустила, сосредоточенная на новом для себя положении больной. Не просто больной – умирающей. От этого слова хотелось отмахнуться, как от злой осы, которая все равно исхитрится и ужалит, но есть надежда хоть чуть-чуть оттянуть этот момент.

Фантастика оказалась печальной. Если б Митя знал правду, то, конечно, раздобыл бы какую-нибудь комедию. Но от него уже второй день все скрывали, а он – простая душа! – даже не удивлялся тому, зачем сестра так упорно учится ставить уколы.

В этом эпизоде, где Геля включилась, показывали планету стариков, которые решают отдать весь воздух другой планете, где живут люди помоложе. Каким образом это собирались

осуществить, Геля как-то упустила. Но это ее и не заинтересовало. Она смотрела на экранную старушку, тискавшую собачку, и обе казались Геле чем-то похожими на Альку, какой она могла стать лет в восемьдесят... Такие же курносые, с улыбочивыми мордашками и бесхитростными глазами.

«Я не увижу ее такой», – только успела подумать Геля, как тут старая женщина из фильма заговорила, уже не сдерживая слез:

– Ничего, Зюзя, не бойся, мы ведь с тобой уже старенькие. Нам умирать не страшно... Ничего, Зюзя... Ах, моя милая, я так долго жила! Все жила и жила, а самого главного не успела... Никто так и не полюбил меня, Зюзя! И я никого не любила. Кроме тебя...

Геля знала, что Альке видны ее слезы, но даже не пыталась их скрыть. Она только старалась не всхлипывать, чтобы плач не обернулся истерикой, которую Геля все время чувствовала в себе, но ухитрялась удерживать. А вот никакого рака она не ощущала...

Сглотнув слезы, она сказала, не глядя на Алю, но зная, что подруга слушает ее:

– Помнишь, в детстве у меня был золотой сундучок? Не золотой, конечно, на самом-то деле... Маленький такой, его можно было на ладошку поставить. С пластмассовым черным висячим замочком... Мне почему-то все время казалось, что однажды я открою его и обнаружу там чудо. Можешь себе представить? Такие сундучки были, наверное, у всех девчонок...

Алька улыбнулась:

– У меня не было.

Увлечшись, Геля не услышала ее:

– ...но именно мой казался мне особенным. Все считали меня такой разумной девочкой, такой правильной... Я и была такой. Я и сейчас такая... Почему же день за днем проверяла этот копеечный сундучок?

– При чем тут – копеечный? – удивилась Аля.

– Да знаю, знаю! Чудо не купишь. Вот ты... Почему ты это умеешь? Почему это дано именно тебе?

Аля усмехнулась про себя: «Я ведь даже не позолоченная».

– Не знаю, – ответила она. – Может, это все ради тебя... Я просто ближе других.

– Ради меня, – повторила Геля и зло рассмеялась. – Что именно ради меня?! Этот рак проклятый? Что я получила от этой жизни? Какую радость? Я, как эта старушка с собачкой...

Вдруг в бок ударило с такой силой, что Геля закричала. Больше от неожиданности и страха, она сумела бы стерпеть, если б оказалась готова. Алька тотчас возникла рядом. Когда у Гели чуть просветлело в глазах, она разглядела, как подруга сжимает в пальцах тонкий шприц.

Молча протянув руку, Геля расслышала, как похрустывают зубы, которые сжала, что было сил. Под волосами было мокро, но отирать ей не хотелось, ведь это выходили невыплаканные слезы.

«Лучше так, – мелькнуло у нее в голове. – Чтоб Алька... не страдала... Она ведь такая дурочка...»

Когда игла выскользнула из ее тела, сделав свое дело, Геля прошептала:

– Я про него не знала, и он меня не трогал. Ведь почти не болело... Они его расшевелили. Он озлобился... Впивается клешнями. Может, я так и умерла бы совсем без болей, если б не эта операция?

– Тебе больше не будет больно, – услышала она Алькин голос, раздававшийся откуда-то из-за ее головы. – Я тебе обещаю. Все будет хорошо... Смотри.

Геля заметила, как она выносит один из своих холстов, и попыталась угадать, что это будет. Но когда Аля поставила его перед ней, удивленно выдохнула:

– Это что? Я не видела раньше.

– Не видела, – не отрывая взгляда от картины, подтвердила Алька.

– Это новая? Когда ты успела ее закончить?

– Давно. Я просто ее не показывала.

– Почему? По-моему, хорошо. Даже очень. Она прямо светится! Отодвинься, я рассмотрю.

Но когда она обернулась, Геля опять едва не вскрикнула. Правда, уже не от боли, а от того, каким оказалось Алькино лицо. Будто это она умирала, а не Геля...

– Сейчас ты все увидишь, – тихо сказала Аля. – Подожди секундочку... Я только соберусь с духом.

– Для чего? – не поняла Геля.

Она не помнила, чтобы Альке когда-нибудь требовались какие-то особые приготовления.

– Для всего. Тебе не больно?

– Сейчас уже меньше...

Геля уцепилась за эти слова и поплыла куда-то, ничему не удивляясь и помня только о том, что ей почти не больно... Наконец-то, не больно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.